

ТИМУР БИКБУЛАТОВ

ВЕРЕЙ ВОЛОСТ

Тимур Бикбулатов
Веретейская волость

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17070023
ISBN 9785447446130*

Аннотация

Эта книга представляет собой историко-краеведческий очерк, посвященный истории одного из отдаленных уголков Ярославской губернии, сердцу Мологского края – Веретейской волости, наполовину ушедшей на дно Рыбинского водохранилища.

Содержание

Предисловие	5
История волости	7
Веретейские церкви	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Веретейская волость

Тимур Бикбулатов

© Тимур Бикбулатов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга представляет собой историко-краеведческий очерк, написанный на основе многолетней работы автора в архивах и музеях и посвященный истории одного из красивейших уголков Ярославской губернии, сердцу Моложского края – Веретейской волости, наполовину ушедшей на дно Рыбинского водохранилища.

Предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей родного края.

Посвящаю светлой памяти отца Бикбулатова Эрнста Саяфнуровича и мамы Бикбулатовой Екатерины Максимовны, без которых эта книга бы никогда не осуществилась

Автор

Предисловие

Веретея расположена в Некоузском районе Ярославской области на берегу Рыбинского водохранилища в 20 километрах от железнодорожной станции Шестихино. Это старинное село раскинулось по обе стороны трассы Шестихино – Брейтово. Раньше через него проходил знаменитый Мологский (или старый Санкт-Петербургский почтовый) тракт, остатки которого существуют и поныне, уходя в рукотворное море в районе деревни Остроги. Будучи в течение многих столетий центром Веретейской волости, село имеет богатейшую историю. Две церкви, два здания школы (старейшей в области) являются центром архитектурного ансамбля. На сегодняшний день церкви полуразрушены, в 2006 году сгорело второе школьное здание, колхоз еле дышит, население разъезжается в города, но историю у Веретеи никогда не отнять.

Здесь сразу же нужно оговориться, что описываемую территорию я буду называть Веретейской, хотя очень долгое время она все-таки была Шуморовской. Противостояние (но только историческое, а не политическое, экономическое и социальное) этих двух могучих сел продолжалось около семисот лет. Сначала маленькая Веретея была лишь поселением на территории Шуморовского княжества, затем позиции двух сел потихонечку выравнивались, пока Веретея окончательно (благодаря более выгодному торгово-транспортному положению) не стала центром этой территории.

Как пишет О. Б. Карсаков: «Волость – это территориально хозяйственная форма организации сельской общины. Волость средневековая, – т.е. княжение-удел (например, Молога) и волость сельская (например, Веретейская), включающая, как правило, черные (общинные) земли разной структуры. Первая более древняя, а вторая окончательно оформилась во второй половине 19 столетия. В волости могло быть один церковный приход, и могло быть их несколько. Причем случалось, что древние приходы (храмы) „сходили на нет“, отдавая пальму первенства экономически и хозяйственно сильным соседним приходам. Таким образом, можно предполагать, что Веретейская волость возникла из доли обширной вотчины Моложских (Шуморовских?) князей, пожалованной Афанасьевскому монастырю где-то в конце 15 столетия».

И в советское время, и в постсоветский период появлялись разрозненные публикации в местной прессе, касающиеся истории Веретейской волости, но так и не было попытки свести все имеющиеся материалы в одно целое.

Выражаю огромную благодарность всем, кто оказал неоценимую помощь в работе над книгой и чьи материалы стали основой «Веретейской волости»:

Полковнику медицинской службы, краеведу К. К. Озерову, Заслуженному учителю РСФСР Н. А. Ананьевой, преподавателю истории и английского языка О. А. Козьминой, настоятелю храма Воскресения Христова села Воскресенского иерею Николаю (Тележкину), краеведу В. П. Заводову, правнуку Александра Ширяева Петру Савченко, замглавы Веретейской администрации А. Ф. Тюмину, учителю Рачевской школы Тверской области Алексею Пронину, геофизику В. А. Цельмовичу, внучке Н. Ф. Миронова Л. А. Волковой, мышкинским краоведам О.Б.Карсакову и В. А. Гречухину, земляку Артему Власову и членам Ярославского историко-родословного общества Евгению Воронину, Наталии Кельпе, Людмиле Зуммер, Дарье Виноградовой и Анне Патраковой.

Отдельное «спасибо» заведующей школьным музеем Галине Владимировне Бурше за предоставленную возможность работы в музее и ценные советы по ходу написания работы.

Особо хочется отметить рыбинского краеведа Г. И. Корсакова, книга которого «Мологи Веретейский уголок», вышедшая вскоре после второго издания «Веретейской волости»,

содержит столько ценнейшей и редкой информации по истории волости, что я позволил себе цитировать ее целыми кусками, тем более что слог автора безупречен. Да и тираж в 30 экземпляров не позволяет широким массам ознакомиться с этой книгой.

Предлагаемый историко-краеведческий очерк написан для всех моих земляков и всех, кого интересует история. Он может служить дополнительным пособием по краеведению.

История волости

Дата основания Веретеи неизвестна. С древнейших времен селились люди в этих краях – стоянка первобытного человека на реке Латка в районе деревни Чурилово датируется ок. 1,5 – 2 тысяч лет до н. э. Археологи на всех картах отмечают уже несуществующие стоянки у села Шуморово (неолит) и деревни Заладьё (первое тысячелетие).

В конце XII – начале XIII века, когда была основана Молога (первое упоминание о ней – 1207 год), здесь уже находились поселения. В начале XIV века после раздела княжества Ярославского появилось самостоятельное Моложское княжество во главе с великим князем Федором Михайловичем. Оно вскоре разделилось на собственно Моложский, Сицкий, Прозоровский и Шуморовский уделы, и образовалось Шуморовское княжество с центром в селе Шуморово, на Волге, к юго-западу от города Мологи. Сыновья удельного князя Моложского Ивана Михайловича (? – 1380) Глеб и Андрей получили в 1-й половине XV века село Шуморово в собственный удел. От Андрея род не пошел, поскольку его единственный сын Семён рано постригся в монахи. Глеб был первым владетельным правителем этого удела. Видимо, он был и последним владельцем Шуморовского стола, так как его сыновья уже служили Москве. Глеб Иванович Шуморовский пал под Суздалем во время набега Мамутека (1445 г.). Последнее упоминание о самостоятельном Шуморовском княжестве относится как раз к середине века.

Князья Шуморовские были ярославской княжеской ветвью рода Владимира Мономаха. Михаил Шамин, сын Глеба Ивановича, был родоначальником князей Шаминах. *(Шашины – потомки князя Михаила Глебовича Шамина Шуморовского, жившего в конце XV века. Последнее упоминание о роде относится к середине XVI века).* Его брат Иван Голыга стал родоначальником дворян Голыгиных. *(Голыгины – княжеский род, согласно родословным преданиям – ветвь владетельных ярославских князей, поколение удельных шуморовских князей. Один из сыновей удельного шуморовского князя Глеба Ивановича, Иван (18 колена от Рюрика), имел прозвище Голыга (от голыга – голыш, голтяй). У него было трое сыновей – Леонтий Щука, Федор и Ушак Голыгины. В летописях Голыгины вообще не упоминались. Известно, что лишь у Леонтия Щуки были сыновья – Иван и Григорий).* На сыновьях Ивана (Петре, Степане, Данииле, Александре и Иване) род князей Голыгиных пресекался, как и весь род князей Шуморовских. От одного из потомков Глеба пошел род дворян Ходыревых.

Из «Бархатной книги»: «92. РОДЪ ШУМОРОВСКИХЪ и ШАМИНЫХЪ. У 2 Князь Михайлова сына Молозского у Князя Ивана Михайловича дети: Князь Андрей, Да Князь Глебъ Шуморовские, Да Князь Федоръ Ушатой. У Князь Андрея сынъ Князь Семень, бездетень; былъ въ Чернцахъ въ Троицкомъ монастыре. У Князя Глеба дети: Князь Борисъ,

Да Князь Семень хромой, Да Князь Михайло Шаминъ, Да Князь Иванъ Голыга. У Князя Бориса Князь Глебова сына Шуморовского дети: Князь Александръ Мамоть, Да Князь Василей, оба бездетны. А у Князя Семена хромого дети: Князь Иванъ Ходыря, Да Князь Леонтей, бездетень, Да Князь Дмитрей, бездетень, былъ на поместье въ Нове городе. У Князя Михаила Глебовича дети: Князь Иванъ Шаминъ, Да Князь Федоръ, Да Князь Андрей, все 3 бездетны. И то колено пресекалось. 93. РОДЪ ГОЛЫГИНЫХЪ. 4 Князь Глебова сына Шуморовского у Князя Ивана Голыги дети: Князь Леонтей, Да Князь Федоръ, Да Ушакъ».

Веретейско-шуморовские земли пережили нашествие монголо-татар. По местным легендам, когда завоеватели пришли на это место, все крестьяне спрятались. Навстречу ордынцам вышел старик, и на их вопросы об остальных жителях, отвечал: «Верьте, я один». Так и возникло название Веретея. К сожалению, это всего лишь красивая легенда (см. *этимологическую справку*).

Следующее упоминание об этих землях мы встречаем в 1610 году из ввозной грамоты Марии Жеребцовой. От царя и великого князя всея Руси Василия Ивановича ее муж получил в поместье из дворцовых земель село Шуморово с более чем 20 деревнями, починками, пустошами и селищами в Ярославском уезде. Шуморовские земли были дарованы бывшему мангазейскому воеводе Давыду Васильевичу Жеребцову, правой руке Василия Шуйского за участие в великом освободительном походе 1609—1610 годов. Однако воспользоваться свалившимся на него богатством и закончить свою жизнь на покое Жеребцову было не суждено – он был срочно отправлен в хорошо знакомый ему Калязин монастырь с целью перехвата инициативы. Но, по-видимому, организовать оборону попросту не успел. 2 мая 1610 г. поляки внезапно ворвались в Калязин монастырь. Его гарнизон отчаянно сопротивлялся, но силы оказались неравными. Настоятель Левкий, Давыд Жеребцов и все оставшиеся в живых монастырские защитники – воины и монахи, – были преданы мученической смерти. Как видно из недавно опубликованной ввозной грамоты Марии, вдовы Давыда Жеребцова, полученной ею 7 (17) июня 1610 г., «она де, вдова Марья... осталась з детми своими с четырьмя дочерми з девками с Марьицею, да с Федоркою, да с Матренкою, да с Марфицею... А нашу ввозную грамоту на то поместье взяли у мужа ее литовские люди». Василий Шуйский подтвердил права вдовы на Шуморово.

К сожалению, историки практически не занимались двумя главными вопросами: где находилась столица Шуморовского княжества и какие земли даровал Шуйский воеводе Жеребцову. Конечно, мне как краеведу и патриоту хотелось бы ответить однозначно – это Шуморовский (Воскресенский) приход Веретейской волости. Но... В грамоте о пожаловании земель четко сказано: «село Шуморово и сельцо Поводнево с более чем 20 деревнями, починками, пустошами и селищами в Ярославском уезде». Сейчас в Ярославской области только одно Шуморово – в Некоузском районе, но никакого Поводнева рядом никогда не наблюдалось. Та же ситуация и с селом Поводнево (Мышкинский район). Но кое-что все-таки проясняется.

В Переписной книге Ярославского уезда за 1710 год неожиданно находим:

«Верховской стан.

Село Поводнево в нем 2 церкви во имя Преображения Господня да предел Святыя мученицы Парасковьи нареченныя Пятницы деревянные у тех церквей

За недорослем Егором Семеновым сыном Боборыкиным в вотчине в селе Поводневе вотчинников двор в нем прикащик..

За стольником Иваном Михайловым сыном Головиным в вотчине в селе Поводневе вотчинников 1 двор в нем прикащик...»

И тут же сразу:

«Село Шуморово в нем церковь Устения Пресвятыя Богородицы деревянная церковь Воскресения Христова да в пределе Николая чюдотворца деревянные...

За генералом за князь Никитою Ивановичем Репниным в вотчине в селе Шуморове крестьян во дворе...

За ближним стольником Иваном Ивановичом Бутурлиным в вотчине в селе Шуморове крестьян...

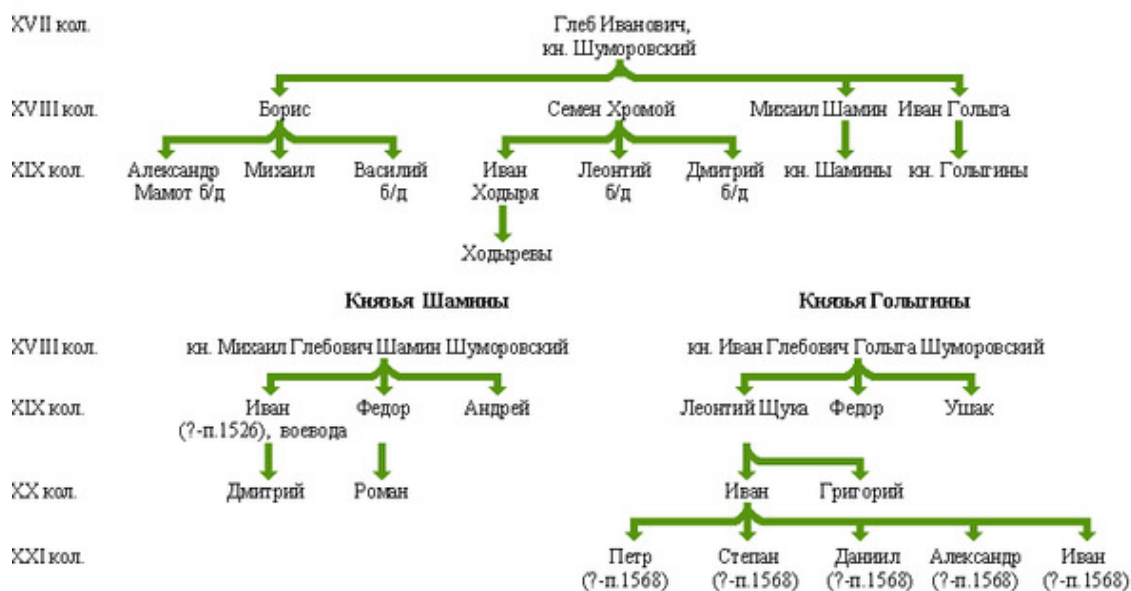
За постельничим Гаврилом Ивановичем Головкиным в вотчине в селе Шуморове крестьян...

За стольником князь Васильем княж Алексеевым сыном Урусовым в поместье в селе Шуморове крестьян...»

То есть в 1710 году село Шуморово находилось рядом с селом Поводневым, и не в Мологском стане, а в Верховском! Это подтверждают и данные историка О. А. Шватченко, приведенные в книге «Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века»:

«Окольничий Михаил Петрович Головин – Ярославский у., Верховский ст., с. Поводнево, 43/123, сц. Шуморово, 27/63»

Получается, что около Поводнева находилось большое село Шуморово (две церкви, четыре знатных владельца), потом оно к середине XVII века стало селцом, а теперь бесследно исчезло? Неужели придется «подарить» жеребцовские земли мышкинцам? Но еще один интересный документ совершенно запутывает нас. Г. И. Корсаков пишет: «В вышеупомянутой „Ревизской сказке 1710 г...“ говорится, что помещик Афанасий Андреевич Мусин-Пушкин основал в 1696 году деревню Рыльбово. Владелец шуморовской вотчины стольник И. И. Бутурлин приобрёл землю в Моложском стане возле места слияния ручья Латки с Чечорой и перевёл туда в 1704 году часть крестьян села Шумарово, основав, таким образом, деревню Большая Режа. В том же году, из того же Верховского стана, из деревни Межупены, перевёл часть крестьян в Моложский стан помещик Г. И. Головкин, и основал, возле речки Коршунка, деревню Малая Режа». Из какого Шуморова переводили Бутурлин и Головкин крестьян на стрелку Чечоры (Чучерки) и Латки, пока непонятно. Ясно написано, что из Верховского стана в Моложский.

Образованы эти станы были путем разделения Моложского удела на две части. Историк М. Черкасова: «Говоря об основной территории Ярославского княжества исследователи также отмечают примеры, когда бывшие уделы становились отдельными волостями Ярославского уезда (Курбский удел – Курбская волость, Ухорский удел – Ухорская волость, Шаховской удел – Шаховская волость, Юхотский удел – Юхотская волость, *Моложский удел – Верховской стан Ярославского и Моложский стан Угличского уездов*)». Получается, крестьян в Режи перевели из Верховского стана Ярославского уезда (из *того* Шуморова, если оно существовало) в Моложский стан (рядом с современным Шуморовым). Какое редкостное топонимическое совпадение! Может быть, никакого Шуморова на этот момент в Веретейской волости не было, а крестьяне переехали этот топоним с собой (как потом перед затоплением жители этой территории «увезут» под Некоуз название Режи)? Но, как уверждает Г. И. Корсаков, прибывшие крестьяне были приписаны к Воскресенской церкви села Шуморова. Опять тупик. Но ведь если Веретейского Шуморова не существовало, то и вотчина князей Шуморовских находилась не в наших краях! Подливают масла в огонь и мышкинские историки, пишущие, как один, что окрестностями Мышкина владели вышеупомянутые князья. А ведь Экземплярский, Головщиков, Троицкий и многие другие исто-

рики уверены в обратном: «Кроме кн. Шуморовских, отчина которых находилась на рч. Шуморе, впадающей в Волгу несколько выше р. Мологи, где и ныне находится село Шуморова, все почти упомянутые князья не имели отчин» (Экземплярский). Указание прямое – мологское Шуморово и есть центр удела, доставшегося князю Глебу Моложскому. Правда, проблема с речкой – есть речка Шуморовка в Марьинской волости, но это далеко, а больше гидроним Шумора нигде поблизости не встречается. Здесь версия одна – ославянивание угро-финского названия. По типу: Шумора — Чумора – Чучора (как Печора) – Чучера – Чучерка – Чичерка – Сиверка. Тогда все более или менее встает на свои места, но только насчет вотчины шуморовских князей. С наследством Жеребцова, как видно из вышеприведенных фактов, ничего пока еще не ясно Немного, но очень квалифицированно проясняет этот вопрос общественный директор мышкинского народного музея и организации краеведов «Мышкин» О. Б. Карсаков:

«Обратите внимание на ключевой источник начала XVI века – «Духовное завещание Ивана III», в котором говорится о приобретении вотчины и промысловых угодий по Волге Иваном III у Глебовых-Шуморовских. Раздачи дворцовых земель в нач. 17 века коснулись не только Шуморова, но и всех изъятых ещё при Иване Грозном родовых владений Моложских князей, а именно тех, которые попали в опалу. Это большая часть земель Верховского стана Ярославского уезда, между Волгой и р. Суткой. Кроме воеводы Жеребцова большую вотчину получили князья Мезецкие. Именно эти сравнительно поздние пожалования позволяют проследить, хотя бы в общих чертах, как делились большие вотчины.

Основной принцип – череполосный. Родовой центр вотчины, «городок» или село, делилось на доли между наследниками. К этим долям приписывались приселки, слободы, сельца на остальной территории удела или вотчины. Свою долю получали и представительницы женской половины рода, а в случае отсутствия прямого наследника, то земли доставались ближайшим родственникам. Отсюда следует, что к центру владения (вотчине) тяготеи поселения, промысловые угодья или покосы, располагавшиеся за десятки километров от него. Поэтому Поводнево имеется в виду именно «Мышкинское». Этот принцип раздела соблюдался вплоть до XIX столетия, но уже при новых владельцах. Столицей Шуморовского удела моложских князей большинство историков считало и считает село Шуморово (современный Шуморовский остров). (С.В.Рожественский, С. Б. Веселовский, А. А. Зимин, В. Б. Кобрин, В.С. Шульгин. Р. Г. Скрынников, В. А. Кучкин и др.). Ещё Шульгин писал, что «очень мало известно о судьбе удельных княжеств моложской линии».

Приходится с ним соглашаться и сейчас, хотя при обилии публикаций по моложской истории, никто серьёзно этой проблемой не интересовался. Для того, чтобы продвинуться в этом направлении, необходимо ответить на ряд вопросов:

– Существовал ли Моложский удел Ярославского княжения как самостоятельная административная единица в конце XV столетия? Сегодня ни один из известных источников не упоминает ни о моложском княжестве, ни о моложском князе как представителе моложской земли, ни о моложской военной силе (рати), участвующей в каких-либо походах. Все эти известия были характерны для конца XIV столетия, но позднее источники упоминают только отдельных князей, представителей той или иной родовой ветви. Суздальский разгром 1445 года, в котором погибли трое моложских князей (Б.С.Сицкий, И.Ф.Прозоровский и Г.И.Шуморовский) ещё сохраняет некоторое ощущение общемоложской военной мобилизации. Но уже в походах Ивана III, особенно на Новгород, моложская военная сила как отдельное формирование «с земли» отсутствует, и, скорее всего, входит в Ярославскую.

– Что содержат источники об уделах бывшего Моложского княжения к рубежу XV – XVI вв., в частности о Шуморовском уделе? И здесь мы должны обратиться к уже упомянутому духовному завещанию Ивана III. В нём речь идёт о вотчине «Глебовых» -Шуморовских. Из текста документа явствует, по крайней мере, только одно – Иван III помимо Мологи

с промыслами по рекам Волге и Молоте, присовокупил к ним приобретённую вотчину (возможно, куплю) Глебовых. Первоначальная принадлежность промыслов Шуморовским князьям, в данном случае, не совсем ясна. Взамен они получили вотчину в Бежецком Верхе. Произошло это событие, вероятно, не позднее 90-х гг. XV вв. До октября 1504 года, момента написания «Духовной», вотчина вместе с Мологой и другими приобретениями находилась под непосредственным контролем Ивана III. Затем всё это завещается Угличскому князю Дмитрию Жилке и отходит в Угличский уезд в виде Моложского стана. Владения других моложских князей: Сицких, Прозоровских, Перининых-Моложских, Ушатых отходили под патронат Василия III, и оставались в Ярославском уезде. Таково завещание Ивана III.

Но более поздние документы помогают выявить одну очень любопытную деталь. Центр вотчины Глебовых-Шуморовских – село Шуморово так же остаётся в Ярославском уезде, Верховском стане. В писцовой книге 1627—29 гг. оно описано следующим образом! «За князем Семёном князь Васильевым сыном Мосальским из Вдовины Марьины Давыдовы жены Жеребцова поместья треть села Шуморова на реке на Волге, а две трети того села за Никитою Бобарыкиным да за Прокофьем Елизаровым да за Иваном Аксеновым, а в селе церковь Успения пречистыя Богородицы древяна клетки, в церкви образы и книги и сосуды церковные и свечи и на колокольнице колокола и всякое церковное строение мирское приходных людей, на церковной земле пономарь, а в них живут нищие, питаются от церкви Божией. Да к церкви же деревня церковная Микитинская на реке Волге, а в ней поп Ондроник Трофимов и дьячок Петрушка Михайлов. Пашни церковные паханные середние земли семь четвертей с осминою в дву потому-ж. Сена по реке Волге и около пол десять копен».

Следовательно, оно по каким-то веским причинам не стало объектом приобретения, либо оно на момент сделки с Иваном III князей Шуморовских им уже не принадлежало.

– Откуда появилась Веретейская волость? Г. И. Корсаков в своей работе «Мологи Веретейский уголок» вполне обоснованно пишет о давней принадлежности Веретеи с деревнями Афанасьевскому Моложскому монастырю. В угличской писцовой книге XVII в. (Липинский М. А.) находим очень подробное описание села Покровского на речке Чичерке и всех угодий, вплоть до рыбных ловель, в составе владений этого монастыря. Включение этих земель в Моложский стан Угличского уезда заставляет предполагать, что они получены монастырём или в момент «реформы» Ивана III, или же чуть позднее. Но не раньше, поскольку владения тогда *бы* считались Ярославскими.

Что касается Ревизской сказки 1710 года, то в ней нет никаких противоречий. Владельцы имели полное право перевода своих крестьян на новые приобретённые места для их заселения и обработки земли. Граница здесь не играна никакой особой роли. Ссылка на Экземплярского требует критики. Исследователи, начиная от Рождественского, давно подметили неточность его суждения об отсутствии родовых вотчин (отчин) у других линий моложских князей на родовых землях. Собственно источники говорят как раз об обратном. Например, князьям Ушатым принадлежали земли не только по правому берегу Волги от села Городок до Коприна, но и по левому, в районе Угличского рубежа (р. Серка и р. Ломиха), село Архангельское, а так же, вероятно, и Мышкин. Мы мало знаем о нахождении владений женской половины рода моложских князей, которые наверняка имелись. Вспомним хотя бы княгиню Судскую, передавшую по завещанию огромную вотчину Ивану Грозному».

А Веретей, исходя из опубликованного Г. И. Корсаковым фрагмента Окладной книги, в которой указаны число душ, а также число дворов и денежные доходы Афанасьевского монастыря, впервые упоминается в 1668 году: «...вотчина село Покровское с селы и деревнями, в них по переписным книгам 176 г. (1668) крестьянских и бобыльских дворов 218, а по свидетельству мужска полу душ 1179 человек. Денежных доходов с них, крестьян, бывает: Веретейской волости села Покровского с деревнями 230 рублей; да того же села

Покровского и сельца Маслово и деревни Юркино – 25 рублей, за прикащичий доход – 4 рубля 31 алтын 2 деньги...».

Им же приведено более подробное описание волости на тот период (Монастырская опись, представленная в Коллегию экономии 8 июля 1764 года):

«Того ж Афанасьевского монастыря в оном же Моложском стану вотчина: село Покровское на речке Чучерке, от монастыря в 20 вёрст 61 душа; к тому селу пустошей: Кузнецово, пустошь, что была деревня Малинники. В том селе монастырский для приезда прикащиков двор, который длиной на 12 сажений шириной на 11 сажений. Деревня Ефаново, на речке Лади от монастыря в 21 версте – 81 душа; к оной деревне имеются пустоши: селище Глушицы, селище Покровское. Деревня Чурилово, на речке Лади от монастыря в 21 версте – 60 душ. Деревня Кашино, на речке Лади от монастыря в 22 версты – 60 душ, к оной деревне имеются пустоши: Новинка, Крюково, Деревня Переслегино на речке Лади от монастыря в 23 версты – 66 душ; к той деревне имеется пустошь Лонская на речке Лади. Деревня Шубино на суходоле от монастыря 22 версты – 26 душ, Деревня Лямино на речке Лади от монастыря 23 версты – 43 души. Деревня Столбища Малые на суходоле от монастыря в 22 версты – 22 души. Деревня Дристенено на суходоле от монастыря в 22 версты – 13 душ, да переведённых из опустевшей деревни, что ныне пустошь Малинники – 9 душ, итого 22 души, деревня Прямик на суходоле от монастыря в 22 версты – 26 душ. Деревня Бор на суходоле от монастыря в 19 вёрст – 46 душ. Деревня Обуховец на суходоле от монастыря в 19 вёрст – 36 душ; к оной деревне имеется пустошь Лушахино. Деревня Обухово на суходоле от монастыря в 18 вёрст – 64 души; к оной деревне имеются пустоши: Алферово, Кривая Липа, Иконино. Деревня Иванцево на суходоле от монастыря в 17 вёрст – 81 душа; к оной деревне имеются пустоши: Селинская, Аникиевская, селища: Тони, Захарово. Деревня Новинка Горняя на суходоле от монастыря в 17 вёрст – 42 души. Деревня Дор, на суходоле от монастыря в 16 вёрст – 18 душ; к оной деревне имеются пустоши: Ваево, Буславцево. Деревня Павловская на суходоле от монастыря в 16 вёрст – 16 душ. Деревня Нивы на суходоле от монастыря в 15 вёрст – 15 душ. Деревня Сысоево на суходоле от монастыря в 16 вёрст – 62 души; к оной деревне пустоши; Кузминская, Решетниково, селище Ванино. Деревня Новинка на суходоле от монастыря в 16 вёрст – 25 душ; к оной деревне пустошь Ивановское. Деревня Остроги на суходоле от монастыря в 15 вёрст – 30 душ; к оной деревне имеются пустоши: Красный Холм, селище Порябичево. Деревня Дуброва на суходоле от монастыря в 15 вёрст – 43 души; к оной деревне пустошь Лебедниково.

Да в вышеописанных села и деревень у крестьян имеется отхожих пустошей, которые имеются у них в общем владении, а именно: часть большая, часть меньшая пустошей: Бараниха, Завражье, Домница, Посерихина, Холман, Ильинское, Селинская, Бибилица, Волисово, Перетягино, Серково, Хвощевик, Шараповец, Сухарище, Попексино, Кoryтово, Погорелка».

Если сравнить этот список с современной картой, то изменения за почти 250 лет произошли незначительные – только пустоши Аникиенская (Аниково – сейчас вновь умершая), Павловская (опять вымирающая) и Алферово заново стали деревнями. Появилась новая деревня Чаусово (Новогеоргиевская). И исчезли деревни Малинники, Шубино, Дристенено. А вот до 1764, как видно из названия пустошей (бывших поселений), с карты исчезло 37 (!) деревень.

В том же 1764 году был упразднен Моложский Афанасьевский монастырь и веретейские крестьяне были «отписаны за Великого Государя».

В 1777 году, по административной екатерининской реформе был образован Моложский уезд и три села-тезки (Покровское) получили новые названия: Покровское-на-Сити, Покровское-на-Шексне и Веретя (Покровское-на-Веретье или Покровское-на-Чучерке).

В 1780 году веретейцы инициировали целое судебное дело: ими был послан донос архиепископу Ростовскому и Ярославскому Самуилу, в котором указывалось, что «молебствия тому образу (иконе Тихвинской Богоматери Афанасьевского монастыря) от разного звания людей совершаются от прочих святых икон отлично». 16 мая 1780 года в Мологский городской магистрат пришло послание владыки Самуила, который требовал «от всех одного города Мологи обывателей, купцов и мещан взять известие», т. е. допросить, давно ли Тихвинская Богоматерь находится в упраздненном Афанасьевском монастыре и почему ей оказывают «отличное против прочего святых божия матере икон почтение и молебствия». И вот начался «розыск по делу». В первую очередь призвали к ответу священника Алексея Афанасьева и весь клир бывшего монастыря, допросили купечество и мещан города Мологи, крестьян сел Боронишино, Шумово, Станово, Феодорицкого. Все они «в сущую правду согласно показали», что икона Тихвинской Богоматери «издавних лет» находилась в монастыре, а как она там появилась, «того они сказать не могут», а почитают ее за «первообразную». Упорствовали лишь крестьяне и церковнослужители села Веретеи, откуда был послан донос, и по-прежнему отстаивали свое обвинение. Дело, тем не менее, было закрыто «за отсутствием состава преступления».

Наиболее подробные сведения о селе относятся к началу восемнадцатого столетия, когда вышел петровский указ «О строении крестьянских дворов по специальному чертежу». Именно тогда были построены великолепные ансамбли сел: Некоуз, Марьино, Лацкое и Веретя. В «Экономическом описании селений Мологского уезда» за 1773—1783 годы читаем: «Село Покровское, что на Веретье. Число дворов – 32. По седьмой ревизии душ: мужчин – 94, женщин – 106». Местоположение села описывается в «Списке населенных мест по сведениям 1859 года»: «Между р. р. Волгою, Суткою, Ильдею и Красно-Холмским трактом находится с. Веретя, при дворах и колодцах...». Там же упоминается и Шуморово: «Владельческое село Шуморово Мологского уезда. Расположено между реками Волгой, Суткой, Ильдею и Красно-Холмским трактом. Село при реке Волге и озере Круглихе».

Этимологическая справка. Названия «Веретье», «Веретя» с виду имеют чисто славянские корни, но в разных источниках трактуются по-разному. «Этимологический словарь» Фасмера дает наиболее распространенную версию: ««небольшой участок пахотной земли», др.-русск. (часто в новгор. грам. XIV – XV вв.). Ср. верста. Первонач. «оборот плуга, длина борозды, в конце которой плуг поворачивает»». Другие исследователи считают, что «веретя, веретья – «сухое возвышенное место, гряда (в лесу, на болоте, на лугу, покосе и др., часто поросшая лесом кустарником)» (ср. угро-финское «верётя»). Не противоречит исторической грамматике и версия о родственной связи с лексемами «ворота», «поворот», хотя эта связь более далекая. В славянских диалектах встречаются подтверждения и этой гипотезы: «змея веретя», «рыба веретя» (юркие, верткие). Но с топографической точки зрения семантическое ядро «возвышенное место» наиболее точно отвечает данному топониму – по всей России различные возвышения и холмы носят названия Веретье, Веретя (Каменное веретье, Красное веретье и т.д.). И я склонен считать, что название села именно этого происхождения.

Также угро-финского происхождения и названия Шуморово. Основе «шу-мар» наиболее созвучно мокшанское слово шймарь – «клюква», которое буквально означает «болотное яблоко», так как на мокшанском языке шйй – «болото». В финском языке основе «шу-мар» наиболее созвучно слово suo|miu|gain – «морозка», причем финское слово suo означает «болото».

Угро-финское происхождение названий Шуморово и Веретя подтверждает их древнейшее происхождение. Все остальные наименования населенных пунктов волости – славянские. Мусин-Пушкин: «Наиболее древние насельники края – финны, главным образом в весьской своей отрасли, – оставили еле заметные черты в северной и северо-восточной части уезда, по рекам Шексне и Мологе. О незначительности новгородского влияния ука-

зано было выше. Суздальско-Владимирское заселение ярче выделяется в характере населения южной части уезда, в особенности в волостях Марьинской, Некоузской, Новотроицкой, частью Станиловской, Воскресенской и Веретейской. Несомненна также колонизация из различных местностей».

И действительно, если Веретея находилась на сухой возвышенности, то шуморовские земли – либо на болотах, либо в песках. Вот как описывает шуморовскую географию Г. И. Корсаков:

«Земли бывшей Шуморовской волости располагались вдоль левого русла Волги и простирались неширокой (от одного до трёх километров), пятнадцатикилометровой длины, полосой. Селения размещались на взгорьях, вблизи реки Волги и её притоков: Верхней Латки, Чечоры и её правого притока – ручья Латки, а также у речки Коршунки, впадающей в Орининское озеро. Избыток воды из этого озера уходил через Ларинский ручей в Волгу. Речка Коршунка, а также Ролбовский и безымянный ручьи являлись естественными стоками из мохового Мологского болота. Это болото занимало громадную площадь в количестве 2859 десятин, из них 1568 десятин были заняты непосредственно моховым болотом с лесом и 1137 десятин – травяным болотом. Если моховое болото имело древнее происхождение, то травяное образовалось благодаря засорению естественных стоков. В 70-х годах XIX века по ходатайству уездной земской управы и городского головы Давыдова это болото осматривалось Северной Экспедицией, и был составлен проект осушки. Но из-за недостатка средств из числа запланированных 75 вёрст канав прокопали только 8 канав, общей протяжённостью 26 вёрст. Однако эти каналы, как и естественные ручьи без своевременной прочистки, местами заплывали и переставали выполнять осушительное предназначение. Наводняло болото Святое озеро площадью 53 десятины, которое располагалось на возвышенной местности юго-восточной его части. Из озера вытекал Святоозерский ручей, именуемый в г. Мологе Вознесенским, так как впадал он в реку Мологу возле Вознесенской церкви.

Места здесь были богаты гонобобелем, а возле д. Малая Режа встречались заросли белой его разновидности, известной в народе под названием «пьяный гонобобель». Характерное, для значительной части Моложского уезда, наличие верхнеюрских железистых, местами сыпучих, песчаных гряд, особенно было заметным в Шуморовской части Веретейской волости. На севере её, до деревни Большая Режа, гряда сыпучих песков совпадала с Санкт-Петербургским трактом, а у деревни Рыльбово песчаные наносы уклонялись с тракта и их признаки обнаруживались на правом берегу Волги. Затем гряда песков выявлялась снова на левом берегу у села Шуморово и простиралась до деревни Заборье. Встречались пески также возле деревни Калитка. Толщина песчаного пласта у д. Рыльбово составляла 12,7 метров, а в городе Мологе толщина его доходила до 16 метров. У села Шуморово замеры глубин залегания песчаного пласта не производились, но, надо полагать, здесь его толщина была ещё большей.

Эта местность выделялась рельефным разнообразием. Песчаные возвышенности и бугры чередовались с оврагами, ровными пашенными полями, аллювиальными долинами с поемными лугами, болотцами и озерами. Наблюдалось много крутых обрывистых скатов и частое чередование почв. Кварцевые пески, сменяли супеси, слабоглинистые, глинистые почвы и чернозём поемного типа. На северной границе волости в районе Святого озера большая площадь земель была переувлажнённой. Центр Воскресенского прихода село Шуморово стояло на самых высоких песчаных буграх, спускавшихся к Волге двумя обширными уступами. Здесь в сухое ветреное лето раздувались такие песчаные метели, что с подветренной стороны песок засыпал церковную ограду до самого верха. Изображение такого песчаного сугроба у церкви села Шуморово можно увидеть на дореволюционной фотографии, напечатанной в книге П. А. Критского «Наш край». Песчаные дюны возле этого села изображены также на картине художника Г. В. Петухова, известного в Мологском крае под именем

Гордея Лесовика. Такой рельеф местности, по мнению геологов, свидетельствовал о том, что по ней, в давние времена, проходило ложе реки Волги. В течение веков, постоянно подмывая правый берег, её русло сместилось к юго-востоку.

Таким образом, наряду с наличием множества болот в северо-восточной части Моложского уезда, на юге его имелась небольшая песчаная обжитая пустыня, поэтому неудивительно, что в маловодные годы, когда понижается уровень Рыбинского водохранилища, здесь открываются большие безжизненные песчаные пространства. И не будь длительного затопления, при доступе воздуха к, засыпанному песком, гумусному слою бывших усадеб, полей, лесов и старых пойм, вымытая пресной водой земля могла бы быстро наполниться жизнью».

Г. Щуровский во время своих «Геологических экскурсий по губерниям Московской и Ярославской» в 1866 году так писал о геологии этих мест: «Одна только местность возбудила мое любопытство, именно село Шуморово, находящееся на левом берегу Волги, в семи верстах от города Мологи. Там, во время Севастопольской войны, добывалось от 4 до 5 тысяч пудов серного колчедана, употреблявшегося на приготовление серы и серной кислоты. Его продолжают добывать там и настоящее время, но в меньшем количестве, чем прежде. Серный колчедан, как известно, составляет почти постоянную принадлежность наших юрских формаций, тем более, что из окрестностей Мологи были также доставляемы иногда остатки окаменелого дерева, аммониты и белемниты (*и по сей день их можно отыскать на берегу водохранилища. Встречаются также и археацеаты – прим. авт.*).

Дорога к селу Шуморову не представляла больших затруднений, и мы отправились туда втроем: Андр. Стан. Петровский, П. Н. Пикторский и я. До Мологи мы плыли на пароходе, а от Мологи до Шуморова левым берегом не более семи верст.

Село Шуморово лежит на высоких песчаных буграх, спускающихся к Волге двумя обширными уступами. Тот, который ближе к реке, представляет площадь, имеющую до 20 сажен ширины и 1,5 до 2 верст длины. В этой-то площади, низменной, болотистой и изрытой ямами, шуморовские крестьяне добывают руду (железный колчедан), лежащую непосредственно под песчаным наносом весьма незначительной толщины. Самая руда залегает в черном рухляке, который крестьяне называют обыкновенно илом и который по своим свойствам нисколько не отличается от юрских рухляков Московской губернии. Руда расположена в нем, по словам крестьян, в несколько ярусов. Толщина черного рухляка неизвестна, потому что работы нигде не простирались на такую глубину, где можно было видеть, что составляет его основание. Надо, однако, полагать, что черные рухляки, заключающие серный колчедан, составляют тут значительную толщу: начавшись от подошвы ближайших песчаных холмов, они продолжают до реки, и по-видимому, тянутся по самому дну. По крайней мере, на некоторое расстояние от берега, дно реки состоит из такого же вязковатого ила»

На протяжении нескольких веков Веретя была центром Веретейской волости, одной из 17 волостей, составлявших Мологский уезд, второй по величине в губернии. Здесь располагалось волостное правление, возглавляемое волостным старшиной. В волость входило 42 населенных пункта: два села – Веретя и Шуморово и сорок деревень. Вся территория делилась на три почти равные части в соответствии с тем, прихожанами какой из церквей являлись жители той или иной деревни. К Шуморовскому приходу относились Добрени, Заборье, Заладье (Залатье), Калитка, Каменка (Ларино), Комарово (Новоселки), Липняги, Луханино, Нагишино, Овинчищи, Павлово, Паленое (Малое Арипино), Починок, Режа Большая, Режа Малая (Коршуниха), Слободка, Ступоцкая и само село Шуморово. К приходу церкви Покрова Пресвятой Богородицы (летней) причислялись жители деревень Бор, Дор, Дуброва, Иванцево, Нивы, Новинка-Алферово, Новинка-Горняя, Обухово, Обуховцево, Остроги, Павловское, Сысоево, Чаусово (Новогеоргиевская). А приход церкви Ильи Пророка (зимней) составляли Аниково, Веретя, Ефаново, Кашино, Лямино, Переслегино,

Прямик, Столбища Горелые (Малые), Столбища Жилые (Большие) и Чурилово. На этой территории находились земли и Мологского Афанасьевского монастыря. Из списка пожертвователей: «В 1893 году мологским мещанином Иваном Матвеевичем Клюкиным пожертвовано в монастырь покосной земли 6 десятин 2350 кв. сажень, находящихся в Мологском уезде Веретейской волости при деревне Рыльбово. Дарственная запись и план имеются».

По данным Департамента земледелия на 1855 год волостное население превышало десять тысяч человек. На 1898 год можно привести более точные цифры – 9913 человек: 4449 мужчин, 4864 женщины. Интересный факт: почти все крестьяне прихода веретейских церквей, кроме крестьян деревни Чаусово (они принадлежали В. А. Любавской и П. А. Щепочкину, отцу академика и народовольца Н. А. Морозова), были государственными, а шуморовские жители, кроме деревни Паленое, Слободка и части деревень Каменка и Павлово, принадлежали частным землевладельцам. Но жители этих деревень не всегда были свободными хлебопашцами – в начале XIX века они были крепостными героя Бородинского сражения генерал-майора Александра Алексеевича Тучкова, убитого при Бородине 26 августа 1812 года. Его жена Маргарита Михайловна (урожденная Нарышкина), дала вольную крестьянам своих шуморовских земель, а сама приняла монашество с именем Марии, сделавшись игуменьей основанного ей Спасобородинской обители. Игуменья Мария была восприемницею при святом миропомазании государыни цесаревны Марии Александровны (впоследствии императрицы) и великой княгини Александры Иосифовны. Крестьяне Слободки, Паленого, Каменки (Ларино) и Павлова были отпущены с условием уплаты оброка обители.

Добрени принадлежали помещице Н. К. Аверкиевой и помещику А. А. Жукову, Заборье, Калитка и Большая Режа – Н. К. Аверкиевой, Заладье и часть Нагишино – А. А. Жукову, часть Каменки, часть Луханино, часть Малой Режи, часть Павлова, треть Шуморова и Починок – князю Н. И. Салтыкову, Комарово, Липняги, Овинчищи, пол-Нагишина и треть Шуморова – П. А. Офросимову, часть Малой Режи – Е. Х. Сергееву и В. Д. Козлянину, Рыльбово – А. П. Теляковской и М. А. Масюковой, а пол-Каменки, пол-Луханино, пол-Ступоцкой и последняя треть Шуморова – князю Н. И. Туркестанову, ранее эта часть принадлежала Нарышкиным («Мологского уезда села Шуморова генерала Нарышкина...» (из исповедных ведомостей Рыбинского Преображенского собора. 1852 год))

Денежный доход от земельного хозяйства был не очень велик, поэтому чуть ли не каждый двор имел дополнительный доход от кустарных промыслов. По данным Г. И. Корсакова, в 1914 году в Веретейской волости существовали следующие торгово-промышленные предприятия:

Деревня Добрени. Мелочная лавка и торговля ситцем Тоскина Семёна Матвеевича.

Деревня Заладье. Сыроваренный завод и мелочная лавка Павлова Ивана Павловича.

Деревня Калитка. Мелочная лавка Сорокиной Любви Павловны.

Деревня Комарово. Мелочная лавка Болушкова Александра Михайловича и кузница Кузнецова Василия Кузьмича.

Деревня Липняги. Отстойное общество крестьян.

Деревня Большая Режа. Маслодельня Монахова Ефрема Прокопьевича. Мелочные лавки: Никитиной Аграфены Денисовны и Найденышева Александра Павловича. Токарная мастерская Разживина Ильи Ивановича.

Деревня Малая Режа. Кузница Кузнецова Ивана Антиповича.

Деревня Рыльбово. Сыроварня Сыщикова Ивана Васильевича.

Село Шуморова. Мелочная лавка Тутина Ивана Васильевича. Сыроварня и мелочная лавка Чернышева Дмитрия Ивановича.

Деревня Бор. Кузница Куприянова Фёдора Куприяновича.

Село Веретей. Маслодельня общества крестьян. Мелочные лавки в арендуемой кладовой церкви: Жемчугова Михаила Максимовича, Забелиной Екатерины Александровны и Калашовой Марии Васильевны. Лавка и кладовая общества потребителей. Лавка и кладовая Гладкова Ивана Васильевича. Жилой дом, а также дом, сдаваемый земскому агроному И. Е. Кузнецову, чайная, кладовая и мелочная лавка Монахова Ефрема Прокопьевича. Чайная и лавка Букова Ивана Ивановича в помещении Е. П. Монахова. Мануфактурная торговля Дегтевой Марии Степановны в помещении Толстоухова Ивана Степановича. Мануфактурная и галантерейная торговля Забелиной Екатерины Александровны в церковном помещении.

Деревня Дор. Кузница и толчея Егорова Александра Васильевича. Мелочная лавка в арендованном помещении Кузьминой Марии Николаевны. Приёмная молока Жилкина Александра Павловича. Дом Е. П. Монахова с товарищами, сдаваемый в аренду почтово-телеграфному отделению. Жилой дом Коминой Татьяны Андреевны сдаётся земской акушерке Прозоровой Ираиде Алексеевне. Жилой дом Прониной Анны Андреевны сдаётся мастеру по луговодству Корелякову Ивану Нлкифоровичу. Жилой дом Городецкого Семёна Семёновича сдаётся счетоводу кредитного товарищества.

Деревня Дуброва. Мелочные лавки Васина Степана Васильевича и Политова Фёдора Николаевича. Отстоечное Жилкина Александра Павловича. Помещение общества крестьян деревни Дуброва.

Деревня Ефаново. Отстоечное общества крестьян села Веретей.

Деревня Лямино. Шатровая мельница Леткова Ксенофонта Михайловича. Приёмная молока в помещении Груздева Ивана Григорьевича. Артельная маслобойня.

Хутор Мостищи. Кузница Букова Ивана Михайловича.

Деревня Нивы. Мелочные лавки: Заплетаевой Анфисы Афанасьевны и Семёновой Матроны Андреевны. Приёмная молока Жилкина Александра Павловича. Отстоечное общества крестьян села Веретей. Мелочные лавки: Леонтьева-Клочкова Василия Ивановича и Михайлова Алексея Яковлевича.

Деревня Обухово. Кузница Ананьева Ивана Ивановича. Шатровая мельница и маслобойный завод Букова – Мелентьева Ивана Ивановича. Маслодельня и мелочная лавка Жилкина Александра Павловича. Колёсная мастерская Жилкина Алексея Павловича. Валянокатальная мастерская Жилкина Ивана Павловича. Столярная мастерская Косогорова Андрея Степановича. Колёсная мастерская и мелочная лавка Большаковой Натальи Николаевны. Помещение Тюмерина Николая Семёновича. Толчея Уланова Александра Ивановича. Сдача в наём под земскую школу жилого дома Ананьева Ивана Ивановича и Патрухина Фёдора Егоровича.

Деревня Обуховцево. Шатровая мельница Патрухина Андрея Фёдоровича. Шатровая мельница и кузница Патрухина Фёдора Егоровича.

Деревня Остроги. Две шатровые мельницы Кирьяновых Ивана и Михаила Яковлевичей. Отстоечное Жилкина Александра Павловича. Помещение общества крестьян деревни Остроги.

Деревня Переслегино. Отстоечное общества крестьян с. Веретей. Две столярные мастерские Епифанова Александра Степановича и Львова Александра Семёновича. Отстоечное Е. П. Монахова в помещении Калушина Степана Александровича.

Деревня Столбищи Жилые. Две толчеи: Антропова Григория Тимофеевича и Буракова Николая Васильевича.

Деревня Столбищи Горелые. Отстоечное общества крестьян с. Веретей.

Деревня Сысоево. Отстоечное общества крестьян с. Веретей. Мелочная лавка Груздева Алексея Романовича. Отстоечное Е. П. Монахова в помещении Прокопьева Степана Александровича. Толчея Сергеева Афанасия Акимовича.

Деревня Чурилово. Кузница Голубева Павла Матвеевича. Мелочная лавка Измайлова Николая Ильича. Сырзавод и мелочная лавка Чернышева Дмитрия Ивановича.

Также Веретей славилось своими ярмарками, куда стекался народ со всего уезда. Основную часть торговли составляли продукты сельского хозяйства и кустарного промысла. Торговали столярно-бондарными, железоскобяными, гончарными изделиями, холстами, кожей, галантереей, мясом, рыбой. Здесь же заключались сделки по обработке земли...

Молого-Шекснинские луга давали до 80 центнеров с гектара, поэтому животноводство в этих краях было высокопродуктивным. Хватало и зажиточных крестьян: семья Жилкиных из деревни Обухово содержала чайную в Петербурге, а Ерофеевы из деревни Кашино имели там же гостиницу «Мариинская».

В шуморовской стороне всю эксплуатировали выгодное речное сообщение.

«В Шуморовской волости имеются несколько перевозов:

1. При деревне Слободке; крестьяне этой деревни сдают перевоз крестьянину деревни Крутца Рыбинского уезда Егору Федотову за 20 рублей. Перевозят на пароме и лодках.

2. При той же деревне содержится перевоз от церкви села Шуморово в пользу этой церкви. Перевозят на лодках.

3. На земле господина Офросимова содержится перевоз арендатором Михаилом Емельяновым. Перевозят на лодках».

Попечитель Веретейской школы, купец из крестьян, Степан Гаврилович Ивонин в устье реки Сутки за год грузил в полулодки и перевозил в Санкт-Петербург 1.200.000 (!) яиц, 200 пудов масла, 500 четвертин зерна на 21 тысячу рублей.

Рыбинский купец Петр Липовский, владевший водяной крупчатой мельницей в Марьино, выгружал в Шуморово до 6.000 пудов пшеницы. Зерно перевозилось гужом в Марьино, оттуда, опять через Шуморово, – в Мологу и Рыбинск.

Большережская сыроварня отправляла в Санкт-Петербург, Москву и Нижний Новгород 1500 головок сыра и 12 пудов чухонского масла.

Шуморовские крестьяне перевозили и продавали в Коприне до 13 тысяч пудов сена.

В речном судоходстве было занято немало шуморовских жителей. На 1874 год зарегистрировано: 1 капитан, 3 помощника капитана, 52 лоцмана, 21 матрос, 4 кочегара, 21 рабочий на турах, 58 коренных, 153 коновода и 7 рабочих на конных машинах.

А. И. Мусин-Пушкин так пишет о промыслах волости: «Главное занятие жителей – сельское хозяйство. Не удовлетворяясь полученными наделами, население ищет свободной земли на стороне, охотно покупает и арендует участки; этим особенно отличаются жители части Веретейской волости, бывшие государственные крестьяне...

...В Веретейской волости в зимнее время заняты плетением щепенных корзин крупного размера, употребляемых для яичной торговли. Корзины эти плетутся из широких полос дранки, нащепанной из сосны лучшего качества; весной они свозятся на берег Волги или Мологи, грузятся на суда и отправляются вниз по Волге... Нам не удалось проследить до конца судьбу веретейских корзин, но мы слышали, что за границей они употребляются для перевозки мелкого галантерейного товара и иногда возвращаются в Россию с грузом ленточек, галстуков, флаконов с духами и т. п.».

Существовал интересный промысел плавки железа из руды, «из кого делают сохи, косули, лемеха, лопаты, топоры, косы, заступы, гвозди и котлы, которые только надобности сельских жителей исправляют, а не продаются». Этот промысел интересен и любопытен ещё тем, что является единственным из металлических промыслов Ярославской губернии, перерабатывающим своё сырьё. Руду добывали в болотистых местах между деревнями Рыльбово и Большой Режей, на почтовом тракте из Мологи в Петербург. Железная руда, довольно хорошего качества, добывается здесь в небольшом количестве, плоскими глыбами

от 4 до 8 вершков. При правильной разработке руду эту можно признать неистощимой, так как выработанные гнезда, оставленные в покое, лет через 10 вновь дают руду, до 12 пудов чистого железа на 100 пудов руды. Кроме железа здесь находится колчедан, вдоль левого берега Волги; попадают сера и селитра. Колчедан собирали в Шуморово (600 пудов в год), Липнягах (500 пудов), Заборье (300 пудов) и Комарове (60 пудов). Сбывали его в Плесе Костромской губернии.

В деревне Новинка-Горняя работал кирпичный завод, который выпускал не только кирпичи, но и цветочные горшки, продававшиеся в волостных магазинах. Закрылся он в 1941 году.

Существует местное предание, что на болотах в районе деревень Обухово и Обуховцево действовал металлоплавильный завод, построенный крестьянином Обуховым, который расширил производство, а затем уехал в Петербург – так появились знаменитые обуховские заводы. Проверить эту легенду у нас нет возможности, но в районе этих деревень действительно есть заброшенные шахты и карьеры. Занимались волостные крестьяне и тележным промыслом.

А. И. Зыков в «Статистическом описании Веретейской волости Мологского уезда», опубликованном в «Вестнике Ярославского земства» за 1874 год приводит следующие факты: «В Веретейской волости находятся только заводы, обделывающие сырые продукты: маслобойные, овчинные и красильные, шатровые мельницы, толчеи и кузницы... Всего по волости заводов: маслобойных – 1, овчинных – 6, красильных – 2, мельниц шатровых – 18, толчей – 27, кузниц – 4».

В Шуморовской волости, вместе с представителями судоходных профессий, на 1874 год насчитывалось 302 человека, не связанных с земледелием: 1 живописец, 1 штукатурщик, 2 маляра, 9 торговцев, 2 слесаря, 4 кузнеца, 4 половых в трактирах. 2 рыбака, 4 портных, 2 сапожника, 22 плотника, 4 кучера, 26 крючников, 24 извозчика, 170 чернорабочих на фабриках и заводах, 1 сторож и 22 пастуха.

На тот период Веретейская волость была поделена на три общества: Веретейское (Ефаново, Кашино, Лямино, Переслегино, Прямик, Чурилово) численностью населения 1 414 человек, Обуховское (Аниково, Бор, Иванцево, Новинка Горная, Обухово, Обуховцево, Столбища Горелые, Столбища Жилые) – 1 518 человек – и Сысоевское (Дор, Дуброва, Нивы, Новинка-Алферова, Остроги, Павловская, Сысоево) – 1 472 человек. Шуморовская волость делилась на 8 более мелких обществ: Липнягское – 395 человек, Большережское – 618, Заладьевское – 403, Малорежское – 235, Шуморовское – 474, Ступоцкое – 113, Слободское – 190 и – самое маленькое – Рыльбовское – 87 человек.

Коснулось эти края и «народническое» движение – в 1874 году, по сообщению молодского уездного исправника, из Петербурга был выслан веретейский крестьянин Тарасов. За хранение запретной литературы его отправили под надзор в родную деревню как неблагонадежного. Поручителями выступили двое крестьян из Малой Режи. Кстати, за два года до этого, именно малорежские крестьяне отказались подписать документ о сборе с них недоимок.

В 1895 году Мологская земская управа в ответ на предложение Санкт-Петербургского комитета грамотности Императорского вольного экономического общества устраивать бесплатные народные библиотеки читальни, чтобы «утолять книжный голод миллионов грамотных русских людей, созданных земской школой...» предложило создать такие библиотеки в наиболее населенных местностях уезда – Веретее, Некоузе, Брейтове, Боронишине. 16 июня 1896 года волостной сход решает: Веретейской библиотеке быть. Правила о работе библиотеки были утверждены ярославским губернатором и изданы в Санкт-Петербурге в 1897 году. Земское собрание выделило 250 рублей и еще 700 собрали «по подписи» мест-

ные жители и «петербурь». Этих денег хватило на постройку просторного здания рядом со школой и покупку книг и журналов.

14 октября 1896 года в сельском храме Покрова Пресвятой Богородицы в присутствии Ярославского губернатора Бориса Владимировича Штюмера состоялось торжественное богослужение в честь открытия Веретейской библиотеки. А 6 сентября 1897 года состоялось ее открытие.

Членом библиотеки, имеющим право принимать участие в ее работе, мог стать каждый, кто внес единовременно 25 рублей или плативший ежегодно в течение трех лет по 3 рубля. Для заведования члены библиотеки каждые три года избирали совет библиотеки под председательством попечителя.

Первыми членами совета стали отец Константин Ельниковский, крестьянин Ефрем Монахов и учитель Федор Ширяев. В разные годы в него входили крестьяне Александр Егорович Корнилов, Николай Иванович Раззоронов и Михаил Алексеевич Лыков.

Газета «Северный край» в №3 за 1902 год называет Веретейскую библиотеку лучшей и богатейшей. Вслед за ней следуют Брейтовская и Лацковская.

Библиотека сразу же стала культурным центром села, хотя с книгами в то время была, как бы сейчас сказали, «напряженка». Директор Веретейской школы Федор Ширяев в 1907 году в письме академику Морозову так описывает библиотечную ситуацию:

«Плохо у нас с библиотекой-читальней. Губернская Земская Управа выделяет всего лишь 50 рублей... Мы не имеем, нам и не дают, как ленивому рабу в притче о талантах. Спрос на книги очень большой, нужны новые, и это теперь легче бы сделать, тем более что наши библиотеки уравниены в правах с публичными, значит можно иметь все, но денег нет и книг нет. Так горько. Сегодня я посылаю брату своему (*Александру в Петербург – прим. автора*) „слезницу“ с просьбою прислать что-нибудь. Если не затруднит Вас, и найдете что-нибудь, пришлите ради Бога железной дорогой до Шестихина. Пересылку мы оплатим Вам с благодарностью. Может быть, в редакции найдутся лишние книжки, присланные для рецензии. Или испорченные хотя бы экземпляры журнала за 1905, 1906 года. Свое „Русское богатство“ я уже отдал, и его охотно читают».

Члены совета выбирали библиотекаря. С 1902 года эту должность занимала учитель Надежда Николаевна Верховская, получившая образование в Ярославском Епархиальном училище. Оплата труда библиотекаря осуществлялась из местных средств и утверждалась советом. В 1913 году жалование составляло 35 рублей, а в 1915 – уже 60. В обязанности входила выдача книг, дача объяснений и советов, наблюдение за порядком, ведение делопроизводства, составление отчетов.

Библиотека была открыта 3—4 раза в неделю в течение 2—3 часов. По данным отчетов, в 1913 году библиотеку посетило 248 человек (200 мужчин и 48 женщин), в 1915 году – 326 читателей, из них 187 учащихся. 1 мая 1924 году Веретейскую библиотеку соединили с Лацковской.

По данным Н. А. Сахарова, одними из самых крупных по количеству жителей населёнными пунктами будущего Некоузского района в начале XX века были именно деревни Веретейской волости: Сысоево (438 чел.), Дуброва (409 чел.), Новинка Горная (398 чел.), Переслегино (379 чел.), Ефаново (377).

В 1907 году была организована первая в Ярославской губернии молочная артель, председателем которой стал священник Константин Ельниковский. «В селе Веретя Мологского уезда земством открыты курсы для крестьян по молочному хозяйству», – писали в 1908 году «Санкт-Петербургские ведомости».

И это было сделано на фоне местного финансового кризиса. В том же письме Ширяев так описывает ситуацию:

«Крестьяне с большой тревогой следят за различными моментами предвыборной и выборной страды, тяготятся административным «прижимом» и, кажется, недалеко до народных неудовольствий, потому что администрация, пугает ли ложно или на самом деле хочет ходить с козырей – настойчиво требует взносов и уплаты недоимок и угрожает (на случай неплатежа) казачьим набегом.

Вы слышали ли, ведь Леонтьевскую волость в декабре разгромили до основания стражники и казаки: продавали буквально последнее тряпье у крестьян, курицы шли *по 2 — 3 коп.* Говорить об истязаниях излишне – драгонада без них немыслима. Вот и мы ждем такого же набега. А платежные силы населения сократились, сравнительно с прошлым годом, вдвое. Я говорю по показаниям торговцев в Мологе: на ярмарке в январе они выручили менее 1/3 обыкновенного.

Но не все горе. На днях у нас образовалась товарищеская артель (из крестьян) для маслоделия, – первая артель в губернии, основанная на принципах, почти совершенно аналогичных английским тред-юнионам. Артель открывает потребительскую лавку. Ласточки весны не делают, но все-таки будем надеяться на хорошее, потому что экономические факторы, пожалуй, самые важные в политической жизни государства».

И дело пошло! Только за 1910 год из личных хозяйств было сдано 27512 пудов молока, масла выработано 1137 пудов. 29 августа в Мологе был организован первый сельскохозяйственный конкурс сливочного масла производства мологских молочных артелей. Крестьяне Дмитрий Владимирович Драбовский и Ефрем Прокопьевич Монахов получили по серебряной медали и высшей Верещагинской премии (впоследствии Ефрем Монахов станет торговым человеком, владельцем лавок, за что и пострадает – в 1930 году его арестуют и сошлют на Север).

На следующий день в Веретею прибыл представитель английской фирмы господин Д. Э. Ганзен и заключил торговый контракт на поставку веретейского сливочного масла в Лондон. На мологской сельскохозяйственной выставке 1912 года Веретейскому сельхозобществу была присуждена высшая награда – большая серебряная медаль Департамента земледелия. Председатель общества отец К. Ельниковский получил такую же награду. Крестьяне А. Ловков и Н. Герасимов – бронзовые медали Русского императорского общества акклиматизации животных и растений. М. С. Толстоусова отмечена бронзовой медалью Русского императорского общества плодоводства. Ф. Куприянов – Похвальным листом Департамента земледелия, а Ф. Калашов – Похвальным листом Мологского уездного земства.

Историк Козлов в своей статье «Проснувшаяся деревня» пишет о том периоде: «В Ярославской губернии первый артельный маслодельный завод возник в 1907 г. в селе Веретее Мологского уезда. В 1909 г. село уже представляло собою одно из немногих как в губернии, так и в регионе в целом „культурно-хозяйственных гнезд“. Кроме завода, в нём действовали земская школа, двухклассное министерское училище, лавка Общества потребителей, фельдшерский пункт. В селе был организован ряд аграрных опытов в крестьянских хозяйствах. С 1902 г. в Веретее действовало и местное сельскохозяйственное общество; работала народная библиотека-читальня, а в 1907 г. было открыто и кредитное товарищество. Характерно, то главным инициатором всех этих хозяйственно-культурных начинаний был местный священник».

6 сентября 1909 года в Веретее была организована выставка крупного рогатого скота. Выставлены 84 животных: 70 коров, 13 бычков и 1 телка.

Кроме животноводства и маслосыродельного производства в волости процветало пасечничество. Многие пуды меда везлись на ярмарки. Пасека была в каждом втором дворе. Самая большая и передовая – у отца Константина.

В Шуморовской волости пчеловодство было не очень развито по причине песчаного сухого грунта этой территории, так, по крайней мере, объясняют этот факт составители описания волости в 1874 году.

Сельское хозяйство в волости было на таком высоком уровне, что немало крестьян переходило в купеческие сословия. Г. И. Корсаков описывает этот процесс предельно подробно:

«Новые производства способствовали расширению торговли и вскоре появились сметливые и деятельные крестьяне, пожелавшие вступить в купеческое сословие. Так в 1894 году уполномоченный крестьянина деревни Чурилово А. В. Голубева нотариус К. Д. Мичульский получил в Веретейском волостном правлении такой документ:

Увольнительное свидетельство

1894 года сентября 16 дня, дано сие Ярославской губернии, Мологского уезда, Веретейским волостным Старшиною И. А. Ушаковым, согласно 132 статьи общего положения о актах крестьянину д. Чурилово Александру Васильевичу Голубеву из бывших государственных крестьян Веретейского общества в том, что к причислению его, Голубева (41 г.), с женой Еленой Семёновной (28 л.), с сыновьями: Георгием (11 л.), Владимиром (9 л.) и дочерью Валерией (1 г. 6 месяцев) в Мологское купечество, согласно его желания. Препятствий со стороны общества крестьян д. Чурилово и Веретейского Волостного правления не имеется. И требование 130 статьи общего положения условия соблюдены: во 1-х) уволенный Голубев (41 г.), от участия в мирском наделе общества, выкупившего земельный надел при содействии Правительства посредством выкупной операции, отказался навсегда, сдал состоящий в его пользовании земельный надел в полное распоряжение общества; во 2-х) на семействе Голубева, равно и на нём самом, никаких казённых земских и мирских недоимок не состоит и подати и сборы уплачены сполна по 1 января 1895 года. Под судом не состоял.

(печать и подпись волостного старшины)

29 октября 1894 года А. В. Голубев со всем семейством, был причислен на вторую половину 1894 года в Мологское 2-й гильдии купечество.

А вот документ о причислении в купечество жителя д. Ступецкой А. А. Брядового.

«Алексей Антонович Брядовой (54 ½ л.), деревни Ступецкой с женою Александрой Алексеевной (34 ½ л.), детьми: Лидией (15 ½ л.), Николаем (12 ½ л.), Сергеем (9 ½ л.), Александром (6 ½ л.) и Марией (2 ½ л.) на основании 4 статьи (п. 1 и 2) Высочайше утверждённого 8 июля 1898 года мнения Государственного Совета причислен на 1898 год в Мологское 2-й гильдии купечество».

Примечательно то, что А. А. Брядовой на земском собрании был избран заведующим Шуморовским военно-конским участком. На эту должность, как правило, избирали помещиков, так Веретейским участком заведовал помещик П. А. Щепочкин, Солунским – помещик Т. Г. Ермолинский, Боронишинским – помещик В. И. Берсенов.

Алексей Антонович Брядовой развернул широкую торговлю лесоматериалами, но в 1914 году разорился, прекратил торговлю и, не дожив год до революции, скончался. Он оставил семейству два дома в городе Мологе. После революции Брядовые добровольно передали свой двухэтажный дом горсовету, тем не менее, все совершеннолетние члены семьи были лишены советской властью гражданских прав. В 1932 году дети А. А. Брядового: Николай, Александр и Софья постановлением комиссии по пересмотру списков «лишенцев» были восстановлены в избирательных правах, а ходатайство их матери Александры Алексеевны Брядовой отклонено, так как: «...просительница после смерти мужа общественно – полезной деятельностью не занимается». На что А. А. Брядовая в своём заявлении в президиум Мологского райисполкома приводит, в частности такие аргументы: «...как видно из прилагаемых при сём справок, в настоящее время имею 67 лет от роду, страдаю мио-

кардитом, хроническим катаром желудка, малокровием, общей старческой слабостью и ни к какому физическому труду неспособна». Но такого рода аргументы не признавались советской властью. Такая же формулировка: «не занимается общественно полезной деятельностью» приведена в отказе в восстановлении в гражданских правах 86-летнего мологжанина А. А. Боровкова, имевшего 36 лет назад две лодки и считавшегося судовладельцем».

Отдельно Корсаков выделяет А. Е. Корнилова:

«В последующий, после смуты (1905—1907 гг.), период дальновидные помещики принялись распродавать свои земельные и лесные владения. Тогда многие предприимчивые крестьяне приобрели большие участки земли. В Веретейской волости крупным землевладельцем был крестьянин д. Ефаново Александр Егорович Корнилов. Он ещё в 1891, 1893 и 1894 годы приобрёл по трём крепостям: у вдовы надворного советника Екатерины Змеевой, вдовы поручика Варвары Алексеевны Любавской и крестьянки Марьяинской волости, деревни Грезново, Лукерьи Ефимовны Бакусовой, в общей сложности за 33000 рублей, 1248 десятин, земли, расположенный возле д. Ермаково Леонтьевской волости. В полутора вёрстах от д. Ермаково и в двух – от села Горелово А. Е. Корнилов построил себе дом с двором и конюшней, а недалеко от него соорудил и обустроил кожевенный (1910 г.) и кирпичный (1911 г.) заводы.

За лето 1910 года были построены: производственные помещения, два дома для рабочих, толчея для овса и корья, рига с печью и кладовые. Для выделки кож Корнилов установил девять дубильных деревянных чанов, а также чаны квасильные, кислотные, зольные и железный клепаный пятидесятиведёрный котёл. Налоговый агент оценил эти постройки в 6507,88 рублей.

В следующее лето А. Е. Корнилов организовал возведение сооружений для производства и сушки кирпича. Над большой, с пятью топками, печью для обжига был построен шатёр с просторной тесовой пристройкой. Плотники срубили два длинных, по 25 сажений каждый, сарая для сушки кирпича, бревенчатый дом для рабочих и сарай для инвентаря. Налоговики оценили кирпичный завод в 1192,41 рублей. Кирпич изготовлялся ручным способом. Производство длилось с мая до конца августа, ещё месяц продолжался обжиг кирпича, а в начале октября рабочий сезон заканчивался. За лето вырабатывалось 80000 шт. кирпичей четырёх видов. Кирпичи продавались: алый – по 11 руб., красный – по 13 руб., железняк – по 15 руб. и подовый – по 35 руб.

Кроме Корнилова солидные участки земли приобрели: Павлов Иван Павлович – 177,9 десятин (д. Заладьё), Юдин Кузьма – 139,9 дес. (д. Нива), Николай и Павел Раззоре-новы – 136,8 дес. (д. Дор), Монахов Ефрем Прокопьевич – 72,3 дес. (с. Веретея), Павел и Василий Найденышевы по 31,9 дес. (д. Большая Режа), Груздев Алексей – 46,2 дес. и Гамазин Фёдор – 39,9 дес. (при д. Сысоево), Ганин Николай – 28,9 дес. (д. Лямино), Шилов Алексей – 42,5 дес. (Прямик), Куренков Николай – 45,1 дес. (Дор), Максимов Михаил – 30,1 дес. (Горелые Столбищи), Яковлев Алексей – 25,1 дес. (Столбищи) и другие с меньшим количеством десятин.

Осенью беспокойного 1917 года Корнилов принялся распродавать землю своим землякам. Для этого в село Веретею, 24 сентября 1917 года, для совершения купчей крепости был приглашён исполняющий должность Мологского нотариуса Петра Ивановича Яновского Николай Павлович Бекетов. Заключение нотариального акта между продавцом и множеством покупателей: Веретеи, Дубровы, Сысоева, Обуховцева, Нив, Бор, Прямика, обеих Новинок и Столбищ, производилось в помещении Веретейского женского училища. Крестьяне покупали от 0,5 до 10 десятин, очевидно, в зависимости от толщины кошелька, большей частью с произрастающим лесом землю в Устиновской даче (она же Остров) при Каевской дороге (Чаусово – Ново-Георгиевское), а также с покосом – по рекам Вая и Чеснава. В этот день А.Е.Корнилов получил 18796 рублей за 416 десятин земли.

Следующая купчая совершена на другой день с новой группой крестьян. 27 сентября в нотариальной конторе в г. Мологе им заключена сделка на продажу 23 десятин земли Е. П. Монахову и А. М. Цветкову. В начале октября Корнилов приехал с нотариусом в деревню Сысоево и в помещении училища оформлял сделки на землю с другой большой группой крестьян. Эти покупщики смогли заплатить чуть более половины требуемого количества денег, а 47500 рублей, обязались выдать ему по закладной сроком по 20 декабря 1926 года. 10 октября пришёл в нотариальную контору житель д. Иванцево А. Н. Цабанов с доверенностью от большой группы крестьян, пожелавших приобрести в рассрочку 464 десятины земли. Предельный срок уплаты денег по закладной по 20 декабря 1926 г. Последнюю купчую на проданную землю А. Е. Корнилов заключил 22 ноября (ст. ст.), то есть после октябрьского переворота. Тогда жители д. Дор Д. О. Данилов и А. Н. Расшивина приобрели за 225 рублей 5 десятин земли. Вскоре удачливый предприниматель А. Е. Корнилов одним из первых будет лишён избирательных прав, а в тридцатом году окажется первым кандидатом на раскулачивание».

После Первой Мировой войны началось строительство железной дороги Санкт-Петербург – Молога – Рыбинск, которая должна была проходить по всему северу волости. Прокладывать ее начали в 1915 году. Строили дорогу, кроме российских строителей, пленные германские солдаты. По воспоминаниям старожилов, в районе деревни Чаусово стояли бараки с военнопленными. Но финансовые неурядицы и две революции не дали осуществиться грандиозным строительным планам. Рукотворная дамба да сих пор частями сохранилась в окрестных лесах вплоть до речки Ваи, которая служила границей волости.

Выдвинуло проект в 1913 году ярославское земство. Земские деятели предложили связать Рыбинск с Петербургом напрямую через Мологу. Таким образом, расстояние между столицей Российской империи и главными городами Ярославской губернии уменьшалось бы приблизительно на 150 км, к тому же железнодорожная магистраль прошла бы через Мологский уезд и город Мологу, лишённые подобных путей сообщения. В предыдущее время жители Мологского уезда могли сбывать производившуюся здесь продукцию по Тихвинской водной системе, связывавшей Волгу через реку Мологу и город Тихвин с Петербургом и Балтийским морем. С постройкой железных дорог в нашем крае речной транспорт начинает уступать в дешевизне и скорости доставки поездам, и мологжане сталкиваются с серьёзной проблемой сбыта сельскохозяйственной продукции. Во второй половине XIX века Молога и уезд пребывали в серьёзном экономическом упадке, что не могло не волновать земство. Разработка проекта строительства железной дороги Рыбинск – Молога – Петербург была осуществлена на самом высоком уровне, все подсчеты говорили о быстрой ее окупаемости. И быть бы удобному и быстрому пути из наших краев в края прибалтийские, если бы не началась Мировая война, а затем и революция. Затопления Мологского уезда и самого города Мологи водами Рыбинского моря могло и не произойти, проходи по территории предполагавшегося водохранилища важная железнодорожная магистраль.

А потом свершилась революция, круто изменившая жизнь России в целом и волости в частности. Ее приняли далеко не все крестьяне – осенью 1918 года проводилась жесткая политика хлебной монополии, запрета на торговлю и самостоятельную заготовку продовольствия населением. В документах Рыбинского коммунистического отряда наглядно видны все перегибы и недостатки подобной политики, несомненно, вызывавшие протест среди населения. Например, у деревни Малой Режи отряд задержал «кулака Белоглазова», который провозил два пуда муки, крупу, картофель и другие продукты, купленные в Веретейской волости. Несмотря на письменное разрешение на покупку продуктов, «кулак» был оштрафован на 400 рублей с конфискацией продовольствия в пользу комитета бедноты. Такой беспредел породил массу недовольных – в Веретейской волости был организован мятеж, поднятый зажиточными крестьянами Ганиными, Жилкиными, Груздевыми, Турусо-

выми, Ефитовыми и А. Ф. Герасимовым. Во главе стоял эсер Алексей Ганин, специально приехавший на родину из Петербурга для поддержания волнений. В день восстания у здания почты были перерезаны телефонные провода, был разгромлен волостной исполком, арестованы председатель Г. Г. Фомин, секретарь Л. Б. Циркуль, милиционеры Н. Голубев и Лавриков и посажены в полуподвальное помещение. Чуть раньше начались волнения и в соседних волостях – Марьинской и Воскресенской. В Мологе, где еще не знали о Веретейском мятеже, был сформирован отряд красноармейцев для подавления восстания в Марьине. По дороге Обухово – Бор этот отряд неожиданно подвергся нападению со стороны веретейских мятежников. Результат: красноармейцы отступили, оставив на поле боя троих раненых солдат. В этот же день был вынесен приговор четырем активистам и троим красноармейцам – расстрел. Казнь должна была состояться на кладбище у церковной стены. Напротив осужденных выстроилась цепь мятежников с винтовками... Но в этот момент из церкви вышел отец Константин, держа в руках серебряный крест: «Что вы делаете, окаянные! Стреляйте и в меня! Я умру вместе с ними!». Восставшие на миг оцепенели, а священник велел осужденным идти за ним прочь с места казни. Никто не посмел остановить их... Восстание в селе быстро было подавлено. Соседние шуморовские деревни не поддерживали мятежников. Напротив, из деревни Добрени прибыл активист Алексей Лобанов и от имени Мологского уездного Совета депутатов вручил им ультиматум: сложить оружие или смерть. Восставшие отказались. В Мологу на пароходе «Птичка» прибыл Рыбинский коммунистический отряд (87 бойцов и три пулемета). На подавление восстания в Веретее было выделено 30 красных латышских стрелков, которые соединились с местными активистами в Малой Реже. «Когда шел карательный отряд, все прятались в погребах. Очень грубые, жестокие были – грабили все, что непопада», – вспоминали старожилы.

Мятежники быстро сдались: в деревне Остроги, которая, по данным Мологской ЧК, являлась сторожевым пунктом восставших, крестьяне не только не сопротивлялись, но явились с повинной, заявив, что их под угрозой заставили разгонять Веретейский Совет; в деревне Липняги достаточно было одного залпа, чтобы крестьяне разбежались. Веретейцы дали бой в Боровских житницах: были убиты зажиточные крестьяне Нориков (д. Лямино) и Захаров (д. Кашино). Шестерых зачинщиков мятежа приговорили к смерти. Их привели на кладбище, расстреляли и тела свалили в общую яму. Через несколько дней при посредничестве отца Константина родственникам разрешили вскрыть общую могилу и похоронить мятежников по-христиански.

Глубокая яма «братской могилы» существует и до сих пор. Местные предания гласят, что среди расстрелянных были и невинные. К Соколовым в деревню Кашино приехал молодой брат хозяина из Петербурга. Милиционер Николай Голубев под наганом увел его на расстрел, приревновав к своей дочери Шуре... Когда на казнь повели зажиточного крестьянина Жилкина Александра Павловича, из толпы вышел его сын Александр и сказал: «У отца большая семья, расстреляйте меня вместо него». Отца отпустили, а сына расстреляли. После восстания эсер Ганин скрылся в Петербурге у сестры, и только перед самой войной она его выдала. Милиционер Голубев умер в 50-е годы – старики его не уважали.

Примечательно, что веретейцы параллельно посылали своих бойцов на помощь красным во время подавления белогвардейского мятежа в Ярославле. Правда, некоторые из них переметнулись на сторону восставших. Как сообщали мологские «Известия» в статье «Позор изменникам», среди добровольно сдавшихся в плен были призывники из деревень Дор, Столбища, Лямино, Бор, Переслегино, Кашино и Обуховцево.

После революции Веретейская волость была разделена на три территории, управляемые разными сельскими советами – Сысоевским, Веретейским и Шуморовским.

Еще одна справка. Веретейские земли поочередно входили в состав Ярославского, Моложского, Шуморовского, Московского княжеств. Затем с начала XVIII века Петром

I было введено деление страны на губернии. Указом Петра от 18 декабря 1708 года в целях укрепления аппарата власти на местах, а также для улучшения сбора налогов и набора солдат были учреждены восемь огромных по площади губерний и между ними расписаны города с уездами – Веретейская земля вошла в состав Ингерманладской (позже Санкт-Петербургской (14 октября 1710 год)) губернии. Вторая административная реформа Петра I ввела новое деление страны. Указом от 29 апреля 1719 года страна была поделена на десять губерний, каждая из которых делилась на несколько провинций, и Веретей вошла в состав Пошехонской провинции. В дальнейшем, по указу Екатерины II от 14 марта Пошехонская провинция была ликвидирована – ее территория была отнесена к Московской губернии. Наконец, по указу от августа 1777 было утверждено Ярославского наместничество, которое делилось на 12 уездов, и Веретей обрела постоянную прописку: Ярославская губерния, Мологский уезд. Но при новой власти административно-территориальное деление снова подвергается пересмотру. Два года, с 3 февраля 1921 по 15 февраля 1923, Мологский уезд входил в Рыбинскую губернию. В мае 1923 г. по постановлению президиума Мологского уездного исполкома от 7 февраля 1923 г. Шуморовская волость была влита в Боронишинскую Рыбинского уезда, а Веретейская – в Лацковскую. Но и эта реформа себя не оправдала, вскоре все вернули на круги своя. В 1929 г. уезд ликвидирован, его территория вошла в Рыбинский округ. Затем уезд стал Мологским районом Ярославской губернии, которая, в свою очередь, вошла в состав Ивановской промышленной области. В середине тридцатых правильным адресом Веретеи было Мологский район Ярославской области, но 20 декабря Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Мологский район был ликвидирован как административная единица, и село обрело свой настоящий адрес: Некоузский район Ярославской области.

При новой власти стали организовываться так называемые Общества потребителей. В волости их образовалось целых четыре: 1-е Веретейское (председатель В. И. Калашов), 2-е Веретейское (Н. Т. Кадуленков), Заладьевское (В. А. Липатов) и Шуморовское (А. А. Чистяков). В Мологском Обще-Кооперативном союзе, объединявшем волостные общества, веретейские кооператоры играли далеко не последнюю роль. К. А. Мраморный был начальником инструкторского отдела, В. А. Липатов состоял членом правления, а бывший волостной старшина И. А. Обляпин неоднократно выбирался в Президиум. В 1920 году К. А. Мраморный выбирался в уполномоченные по собранию Губернского союза. Создавались и кредитные товарищества: Веретейское (П. О. Жилкин) и Шуморовское (А. А. Смирнов).

4 ноября 1929 года по инициативе сельских активистов-коммунистов Овчинникова и Некрасова была создана группа по организации колхоза. В нее вошли 27 бедняцких хозяйств. Активисты ходили по дворам и вели агитационную работу. Четвертое февраля по Веретейскому и Сысоевскому сельсоветам было объявлено нерабочим днем. В маленьком Веретейском народном доме началось шумное многочисленное собрание. Все говорили, спорили, нервничали. Многие уходили и, посоветовавшись с домашними, возвращались. В этот день 870 семей объединились в колхоз «Луч коммунизма». Председателем избрали красноармейца Шобылева. Но среди этих семей 430 было колеблющимися и не верящими в преимущества коллективного труда. Вскоре многие под напором антипропаганды стали забирать скот и инвентарь из колхоза. Их называли «выходцами». На руку колхозникам сыграло то, что первый колхозный год удался на редкость урожайным, и после дележа прибыли «по справедливости» все члены коллективного хозяйства улучшили свое материальное положение. «Выходцы» под разными предлогами стали возвращаться. В их заявлениях – вся психология и политика крестьян того времени. «Ушла я из колхоза под давлением кулаков своей деревни. Сознаю свою ошибку и прошу вернуть меня в колхоз. Ермакова Александра». «Меня не было дома, а бабы написали заявление о выходе из колхоза и забрали лошадь. Теперь вся наша семья одумалась и вступает обратно в колхоз. Калашников». В 1930 году начались раскулачивания и репрессии «вредителей» (дочь владельца мельницы Лидия Патрухина, поповский

сын Лебедев, бывший владелец толчеи Егоров и др.). Раскулачивали и выселяли целыми семьями. Семья Ушаковых (д. Иванцево) и семья Старшиновых (д. Чурилово) были высланы в Магнитогорск.

Одной из самых больших проблем при дележе земли была неравноценность пролодо-родности и удобства освоения. Самым большим камнем преткновения (и полем для перегибов) оказалась разработка «мха». Областные сельхозспециалисты так писали в своем обзоре:

«Организация Веретейского района для разработки „мха“ (1800 гектаров) встречает значительные трудности, которые в основном сводятся к удаленности массы отрубков на „мху“ от места нахождения самих землепользователей (деревни Чурилово, Большие Столбищи, Малые Столбищи, Лямино). В результате этого обнаружилось, что наиболее активное желание для разработки проявляют селения, не имеющие совсем землепользования на урочище „мох“, но находящиеся по своему расположению близко от урочища. Наоборот, приходится констатировать, когда зачастую селения, пользующиеся „мхом“, обнаруживают полнейшую вялость и даже, иногда, полнейшее нежелание участвовать в разработке». В 1930 году колхоз «Луч коммунизма» присоединился к почину 100 сельхозартелей и создал колхозно-производственный трибунал, который самостоятельно судил отстающих в производстве и «вредителей». Весной 1932 года перед агротехническим конгрессом в Иваново колхоз посетила иностранная делегация. Американец Джамбатиста писал: «Здесь, в коллективном хозяйстве, нагляднее, чем где бы то ни было, можно видеть весь размах социалистической переделки отсталого сельского хозяйства дореволюционной России, всю мощь, силу и выгодность коллективного труда». К 1933 году в хозяйстве было 1500 колхозников, и «Луч коммунизма» был признан одним из лучших колхозов Ивановской промышленной области. Были построены молочная ферма в Дуброве, маслодельный завод в Реже, свинарник в Сысоеве.

В 1934 году на средства Александра Саукова в Чурилово была организована изба-читальня. Его сестра Лидия так вспоминает об этом: «... Несмотря на трудности в материальном положении, первые же заработанные деньги после окончания института и сбереженные от поездки в экспедиции, Шура пожертвовал своим землякам на строительство избы-читальни в деревне Чурилово.

Я вспоминаю, какое было торжество в день открытия избы-читальни, особенно среди молодежи, а ее в то время было много в деревне.

Это было зимой, примерно в 1927 году, стояла великолепная солнечная погода, собрались все жители деревни. В это время сладости были очень большой редкостью, но в связи с таким событием Веретейский потребсоюз отпустил несколько ящиков пряников и конфет. Чаепитие затянулось далеко за полночь, а на следующий день всех жителей деревни Шура сфотографировал...

Для избы-читальни Шура подарил много художественной литературы, среди которой были собрания сочинений Пушкина, Тургенева, Л. Толстого, Лескова и других классиков – всего около 300 книг. Книгами пользовались не только жители деревни Чурилово, но их читали и односельчане из деревни Кашино, Ефаново и других. Позже эти книги были переданы в Веретею.

Изба-читальня долгое время служила колхозникам для проведения колхозных собраний...»

Кроме «Луча коммунизма» есть упоминания о сельхозобществе «Волга», колхозах «Шуморовец», «Победа» и «Свобода», действовавших на территории волости.

В 1935 году началось сооружение Угличской и Рыбинской плотин, для чего в системе НКВД был организован особый отдел «Волгострой». Гигантское строительство унесло тысячи жизней, и на Веретейском кладбище, как одном из самых близких, было выкопано

несколько огромных братских могил. «Мертвые тела везли подводами», – вспоминают очевидцы. Жители со всей России нашли здесь последний приют. А веретейцев сталинские репрессии разбросали по другим концам страны.

На Покров 2007 года на Веретейском кладбище совместными стараниями местной администрации и епархии был водружен и освящен огромный крест памяти всех жертв тех времен. Разные судьбы, разные профессии, разный возраст – где теперь лежат наши земляки? И кто лежит на Веретейской земле? Не на все вопросы будут четкие ответы.

13 апреля 1941 года в связи с пуском Рыбинской плотины половина Веретейской волости ушла под воду, а вместе с ней самые плодородные земли Молого-Шекснинской поймы. Не стало Шуморовского прихода...

Когда началась война, больше тысячи жителей волости пошли защищать Родину. Двести пятьдесят шесть из них не вернулись домой. Может быть, кто-нибудь возьмется за создание и издание Книги Памяти Веретейской волости. И воздастся тому сторицей.

В войну все оставшееся население волости от мала до велика трудилось на колхозных полях. Вернувшиеся бойцы сразу же сели за трактора – вырастить хлеб для истощенной Родины. Колхоз вернул себе лидирующие позиции в области. В 1954, 1955, 1956, 1957 годах веретейские труженики – дипломанты и медалисты Всесоюзных сельскохозяйственных выставок. В 1971 году свинарке Зинаиде Дмитриевне Бондаренко было присвоено звание Героя Социалистического труда.

В настоящий момент Шуморовский приход Веретейской волости полностью на дне Рыбинского водохранилища – остался только небольшой Шуморовский остров. Исчезли с карты деревни Чаусово и Аниково, два последних года только пара дачников оживляет вымершие Павловское, Новинку-Горнюю и Обуховцево Веретейского прихода, да и во многих других осталось по два-три жителя. Недавно обсуждался вопрос о возрождении этого края.

Некоторые энтузиасты считают, что необходимо образование Мологской административной территории с центром в селе Веретея. Цель образования новой административной территории – найти новые возможности для развития этих земель, которые сейчас находятся в запустении. Возможности территории бывшего Мологского уезда, с красивейшей природой, культурными ценностями – храмами, дворянскими усадьбами, не используются вовсе.

Удаленность от дорог сковывает развитие туризма. Создание административного центра Мологского уезда в селе Веретея приблизило бы территорию к водным путям и автомобильным дорогам. И, кроме того, это село равноудалено от всех точек территории. Борок, конечно, имеет больше шансов стать городом. Здесь научный центр, инфраструктура. Однако у Веретеи, что в пяти километрах от Борка, свои преимущества. Это старинное село с богатой историей, в нем два храма. Некоторые краеведы, среди них директор музея Мологского края Николай Алексеев (сейчас уже, к сожалению, покойный) и известный краевед Владимир Гречухин, предлагали соединить село Веретея и поселок Борок и основать Новую Мологу.

В 2010 году был создан историко-культурный центр «Молога» на базе школы-музея Веретейской школы, но из-за недостатка финансирования и неумелого руководства он пришел еще в более плачевное состояние – полуторавековое деревянное здание который год в лютые морозы стоит без отопления, а музейные фонды подвижники сохраняют в туалете (!) детского сада. Но есть и отрадные моменты – память об этих землях начинает увековечиваться вопреки государственному равнодушию. 18 августа 2010 года в честь памяти героев, преодолевших Смуту, на Шуморовском острове установили пятиметровый Поклонный Крест. Примечательно, что теплоход «Ломоносов», на котором доставили Крест, был предоставлен частным лицом – лидером группы «Дюна» Виктором Рыбиным. Да и сам крест изготавливался на частные средства.

А московский пенсионер Владимир Алексеевич Костигин, родившийся и проводивший все детство в деревне Аниково, увековечил место нахождения некогда процветавшего селения небольшим никелевым крестом. Вот только долго ли памятному знаку ждать милости от охотников за цветметом? Или все-таки память рода победит алчность мародеров? Надеюсь, совесть и здравый смысл восторжествуют.

Веретейские церкви

«...из дома моего отца «Борок», где я родился и вырос, виднеются в нескольких верстах шесть каменных церквей: в Никульском и Кузьме-Демьяне к югу, две в Веретее к северу, одна к западу в Копани и одна к востоку в Коприне. Среди сплошь деревянных сельских домов они представляют величественное зрелище, бросающееся издали в глаза, а постройка их явно недавняя, никак не более полутора столетия лет. Воздвигнуты они, как и все деревенские церкви конца XVIII и начала XIX века, благочестивыми помещиками на доходы их мужей и, конечно, объявление их постройки, и вся ее процедура и первое открытие, вызывали в окрестном населении небывалую сенсацию. Да и с тех пор все крестьяне от мала до велика десятки раз в год приходят в них на богослужения.

Но пойдите и спросите у кого хотите, не только у молодежи, но и у стариков, дома которых находятся всего в нескольких десятках шагов от храма: сколько лет назад выстроен этот храм, при каких обстоятельствах и кем? Никто вам ничего не ответит: все прошлое уже забыто, и остался в умах только современный вид этих церквей, да ежегодно повторяемые имена святых, в память которых они воздвигнуты».

Николай Александрович Морозов. «Христос»

Трудно сказать, когда в селе появились первые храмовые сооружения. Граф С. А. Мусин-Пушкин в «Очерках Мологского уезда» (1895 год) упоминает, что в Веретее был монастырь, но даже он не имеет сведений, когда тот был упразднен. Скорее всего, это был деревянный раскольничий монастырь (эту гипотезу подтверждает и то, что кладбище в селе разделено надвое искусственным рвом – староверы и раскольники хоронили своих отдельно от реформистов). Самые ранние источники, в которых упоминаются веретейские церкви, относятся к началу восемнадцатого века. Мы знаем, что в 1724 году в Веретее служили священник Василий Яковлев и дьячок Кузьма Федотов. Первые церкви были также деревянными и из-за ветхости неоднократно перестраивались. Последнее деревянное здание церкви Покрова Пресвятой Богородицы было построено в 1738 году, а Святого Пророка Ильи – в 1751.

Каменная церковь Покрова Пресвятой Богородицы (летняя) строилась 10 лет на средства прихожан. Ее торжественное освящение состоялось на Покров, 14 октября 1792 года. Имеет три престола: средний, во имя Покрова Пресвятой Богородицы; правый, во имя Предтечи и Святителя Иоанна; левый, во имя Святителя и Чудотворца Николая. В 1846 году по указу Священного Синода включена в третий класс. Расписана была художниками Ярославской школы иконописи. Вот что пишет о ней Преосвященнейший Ионафан, архиепископ Ярославский и Ростовский, в своем «Обозрении епархии...» (1881): «Покровский храм, увенчанный пятью массивными главами; сооружен в прошлом столетии; имеет в длину восемнадцать, в ширину восемь и высоту тринадцать сажен, при нем тогда же была построена значительной вышины колокольня, в настоящее время снабженная благозвучным звоном, имеющим во главе своей колокол в триста пятьдесят пудов».

Архиепископ Ионафан прибыл не просто с инспекционной поездкой, но и освятил обновленное и перестроенное здание церкви Покрова. Он приехал в Веретей 17 июля 1881 года:

«При встрече Преосвященного столь поместительный храм был до тесноты переполнен народом, поэтому Архипастырь только вошел в храм, нимало не медля начал всенощное бдение и, ради имеющего быть на другой день освящения трех алтарей холодного возоб-

новленного храма, совершил оное торжественно, выходя на литию и величание в соучастии трех протоиереев и трех священников.

На другой день, по личному распоряжению Преосвященного, местный благочинный с трех часов утра начал всенощное бдение в возобновленном

С пяти часов утра начата ранняя литургия протоиереем Рыбинского собора при соучастии двух священников, пред которою было совершено освящение бокового правого придела в честь Рождения Иоанна Предтечи. При этом обхождение вокруг храма было оставлено для соблюдения высшей степени торжества освящения к архиерейскому Богослужению, как самая видная и величественная принадлежность таковых священнодействий.

С семи часов начата местным благочинным вторая ранняя литургия в сослужении двух священников и совершено освящение другого придела во имя святителя и чудотворца Николая. Между тем массы народа приходили все больше и больше, и село Веретей начало походить на многолюдное торговое местечко, переполненное торгующими в базарные дни.

С девяти часов начался благовест к поздней литургии, пред которую имело совершиться освящение главного алтаря по чину Архиерейского освящения храмов».

Восстановленный, расширенный и обновленный храм поразил Архипастыря:

«Древний иконостас храма семиярусный, считая с рядом малых икон, и поднятый до свода храма, весь озолочен червонным золотом, предстает величественным и придает всему храму изящный и благолепный вид. Все иконы в нем древнего греческого письма, очищены от копоти, покрыты лаком и представляются совершенно новыми. Живопись и уборка, покрывающая своды храма, вновь оживлены, местами исправлены и представляют зрению предстоящие картины и связанные события, одно другого красивее и назидательнее. В уровень с благолепным убранством стен иконостаса приобретены новые подсвечники и три паникадила; священная церковная утварь, очень ценная и красивая, заведена в прежние годы. За работы позолотные и живописные уплачено Санкт-Петербургскому мещанину духовному мастеру Тихонову, по условию с ним, десять тысяч рублей. На переделку и окраску полов, перекраску крыши, наружную отбелку церкви и другие строительные работы истрчено четыре тысячи рублей. Так что обновление храма обошлось в четырнадцать тысяч рублей (*Основные средства на перестройку храма дал купец из переслегинских крестьян С. Г. Ивонин, за что был награждён Государевой наградой по духовному ведомству – золотой медалью для ношения на Станиславовской ленте. Награждён он: «за пожертвование из собственности 12000 рублей на благоустройство и украшение церкви села Веретеи, Мологского уезда, из коих 7000 рублей пожертвованы Ивоным, после получения двух грамот с благословением Святейшаго Синода» – авт. по данным Г. И. Корсакова*).

Далее продолжается описание богослужения:

«С половины десятого часа 18 июня начато Преосвященным в с. Веретей торжество освящения обновленного храма в сослужении двух протоиереев и двух священников; оно совершенно обычным порядком по чину Архиерейского служения. По окончании оного, во время чтения часов было совершено посвящение в стихарь четырех псаломщиков. На малом входе Архипастырь благословил возложением набедренника священника села Никольского Ушаковых Иоанна Брянцева. При окончании литургии святитель предложил вниманию молящихся свое Архипастырское слово из текста: «Возвеселихся о рекших мне в дом Господен пойдем (Псал. 121,1)» и развил ту мысль, что для людей благочестивых не только пребывание в храме Божиим составляет величайшее благо, но и одно собеседование о Нем приносит им радость и счастье.

При окончании литургии открылось новое величественное зрелище. Вся площадь перед церквями была занята народом и представляла из себя разноцветный ковер головных уборов и женских украшений. Шествие Архипастыря из храма продолжалось более

часа, окружавшие Владыку поселяне не думали об его утомлении и волна за волной приливали к нему, прося святительского благословения. Народу при освящении храма собралось не менее семи тысяч человек. Утружденному продолжительным богослужением Преосвященному не пришлось успокоиться, и после службы. Младший священник и дьякон-псаломщик просили, как милости, Архипастырского посещения, а Владыка не пожелал огорчить их своим отказом. Несколько минут он провел у священника беседе с его гостями. Дом, занимаемый священником, обратил на себя внимание Преосвященного хорошим своим устройством, – гости священника не замедлили объяснить, что дом этот церковный, что заботами церковных старост и тщанием прихожан приобретено три дома для жительства настоятеля прихода, его помощника и третий для псаломщика-дьякона и все они переданы в церковную собственность. В доме настоятеля приготовлен был обеденный стол. Преосвященный попросил его не задерживать, наскоро разделил трапезу с некоторыми из гостей священника и, благословляя священнослужителей, завещал им вести себя достойно своего высокого призвания быть примером жизни для своей многочисленной и чисто православной паствы и поспешно отправился в путь».

16 февраля 1804 года крестьяне Веретейской волости решают деревянное здание церкви Ильи Пророка (зимней) перестроить на каменное и подают прошение об этом Архиепископу Ярославскому и Ростовскому Павлу:

«Святейшего Правительствующего Синода Члену Преосвященнейшему Павлу Архиепископу Ярославскому и Ростовскому и Разных Орденов Кавалеру Мологского уезда села Веретеи Церкви Покрова Пресвятой Богородицы священно и церковно служителей и всех приходских людей

Всепокорнейшее прошение.

В нашем селе Веретее находятся две церкви:

1-я Покрова Пресвятыя Богородицы с двумя приделами: 1-м с южной стороны – святого Иоанна Предтечи, 2-м с северной стороны – святого Николая Чудотворца. Каменная, железом покрытая и утварью довольная, а вторая деревянная, во имя святого Пророка Илии, пришедшая в ветхость: ныне мы, нижеподписавшиеся, желаем вместо деревянной на том же месте построить каменную, теплую, во имя святого пророка Илии, с приделом во трапезе святых чудотворцев Космы и Дамиана церковь.

Почему Ваше преосвященство и просим всепокорнейшее означенную деревянную церковь упразднить, на том месте позволить построить каменную церковь во имя святого пророка Илии с приделом в трапезе святых безсеребренников Космы и Дамиана. Благословенного Архипастырскою грамотой снабдить и о сем прошении милостивейшее учинить решение.

Февраля дня 16-го 1804 года.

К сему прошению села Веретея священник Матвей (неразборчиво) руку приложил, священник Михайло Иоаннов руку приложил, священник Иоанн Иоаннов руку приложил, диакон Петр Иванов руку приложил, диакон Зосима Федоров руку приложил, дьячок Петр Матвеев руку приложил, пономарь Павел Матвеев руку приложил.

К сему прошению вместо волостного головы за неумение его грамоте по его велению волостной писарь Козма Егоров руку приложил. К сему прошению вместо старосты Ивана Тиханова по его велению и вместо мирских людей по их прошению земской писарь Тихон Яшин руку приложил».

Пять лет строилось новое здание, и в Ильин день, 2 августа 1809 года состоялось ее освящение. Очень быстро она оказалась тесной – приход был более пяти тысяч человек. 10 июня 1866 года веретейские крестьяне подают новое прошение. Перестройку церкви

курирует лично брат великого писателя Ф. М. Достоевского, бывший в то время ярославским губернским архитектором. Из дневников Андрея Михайловича Достоевского:

«1870 год

12—17²⁰ Июня я опять былъ вн# дома; #здилъ по Волжскимъ городамъ для осмотра казенныхъ зданій а именно: въ Романовъ, Рыбинскъ, Мологу, Мышкинъ и Угличъ; а изъ Мологи про#халъ въ Село Веретею (Мологскаго У#зда) для указанія работъ по постройк# церкви...

По отъ#зд# отъ насъ батюшки, я снова #здилъ 5—9 Августа въ Г. Мологу, и оттуда въ С <ело> Веретею на постройку церкви...

2²⁰-4²⁰ Октября я #здилъ снова въ Мологскій У#здъ въ Село Веретею на постройку Церкви, и эту по#здкою закончились мои разъ#зды въ этомъ году».

Храм перестраивается, и 1 сентября 1873 года – новое освящение этой церкви. Имеет четыре престола: средний, во имя Ильи Пророка; правый, во имя Богоявления Господня; левый, во имя Царьградской Божьей Матери; в трапезе, во имя святых бессеребренников Космы и Дамиана.

Из детских воспоминаний старейшего жителя села Алексея Александровича Карпова: «Мне Любовь Алексеевна Норикова рассказывала: «А знаешь, Леша, зимнюю церковь расписывал мой отец, Алексей Березин. Он и расписаться-то не умел, неграмотный был, но талант имел огромный. Там все лица Богородицы похожи на мою мать»

Архиепископ Ионафан описывает и ее: «Теплая выстроена в 1809 году и с первого же года оказалась тесною, принимая в расчет многолюдность прихода, имеющего в своем составе две тысячи триста душ мужского пола. В устранении сего недостатка, в шестидесятих годах приходские жители пристроили к ней два боковых придела. Иконостасы всех алтарей одноярусные, греческого письма, и стены, и своды покрыты приличной живописью. В этой церкви нет особенного благолепия, но вся ее обстановка прилична и благообразна, пространна и поместительна внутри, ибо имеет в длину 63 аршина и ширину 31 аршин, только мало освещена по недостатку окон, что отнимает у нее немало достоинств...». Также в деревне Дуброва была небольшая деревянная часовня. По данным 1861 года приход составлял 24 селения: 613 домов, душ мужских 2119, женских 2367. К приходу Веретейских церквей, в силу своего географического положения, относилась и деревня Ермаково Брейтовской волости, сейчас уже, к сожалению, несуществующая.

На 1863 год – 384 дома, 2168 мужчин и 2392 женщины.

Остальные жители Веретейской волости относились к Шуморовскому приходу. Семиглавая церковь в честь Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме была построена в 1796 году тщанием прихожан.

Г. И. Корсаков на основе исторических документов так пишет о ней: «Каменная церковь и колокольня с таким главным престолом построены на средства прихожан села Шуморова в 1796 году. По правую руку трапезной размещался тёплый придел в честь Успения Божией Матери, а по левую – святителя и чудотворца Николая. Над каждым приделом стояла отдельная глава с крестом, поэтому, над покрашенной медянкой железной крышей, возвышались не традиционные пять, а семь глав. Их шеи были обиты жостью, которая, как и крыша, окрашивалась медянкой. Все главы опаяны белым железом. 36 окон храма ограждались коваными железными решётками. На, пристроенной непосредственно к церкви, колокольне, с общей с церковью восточной стеной, звучало восемь колоколов весом: 1) 183 пуда, 2) 35 пудов, 3) 20 пудов, 4) 12 пудов, 5) 5 пудов, 6) 3 пуда 7) 3 пуда и 8) 20 фунтов.

Пятиярусный иконостас церкви Воскресения Христова столярной работы был вызолочен червонным золотом на полимент. Царские врата украшены позолоченной резьбой, а в шести клеймах написаны иконы: Благовещение Пресвятой Богородицы и четырёх еван-

гелистов. Верх царских врат украшал резной потир с сиянием. В иконостасе много было икон древнего греческого письма.

Из небесной дали купола, где был изображён Господь Саваоф, спускалась позолоченная железная цепь, державшая вызолоченное через огонь паникадило.

За правым клиросом в позолоченном киоте находился, украшенный серебряной ризой с позолоченными венцами, образ Успения Пресвятой Богородицы. За кованой решёткой левого клироса хранилась плащаница с живописным изображением Христа Спасителя. Её края обшиты золотой бахромой с кистями и, вычеканенными золотом, бархатными подвесками. Своды трапезной, потолки, и стены алтаря были украшены стенописью. Над святым престолом находилось изображение Святого Духа в виде голубин. Напротив жертвенника – живописная икона «Моление о чаше» Иисуса Христа в Гефсиманском саду, Во всех простенках трапезной стояли в серебряных и аппликовых ризах живописные иконы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.